Марина

КРАМЕР

История сильной женщины

ТРИ ЖЕНСКИХ СТРАХА

Криминальная мелодрама

Марина Крамер

Три женских страха

Серия «Кодекс жены самурая», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=599907
Три женских страха: Эксмо; М.:; 2011
ISBN 978-5-699-48271-9

Аннотация

Преподаватель анатомии Александра Гельман требует от своих студентов невозможного, так как знает не понаслышке: когда жизнь висит на волоске, только руки врача способны ее спасти. С самого детства Аля вынуждена бояться за себя и своих близких и учиться выживать в жестоком мире теневого бизнеса. Ведь ее отец – Ефим Гельман – пользуется уважением как среди коммерсантов, так и их кровных врагов – криминальных авторитетов. На днях на Ефима совершено покушение, и пока тот лежит в больнице, Александра с помощью мужа начинает искать заказчика. В их семье так повелось: из троих детей Фимы лишь она способна действовать решительно и жестко, всегда опережая своих грозных противников…

Содержание

* * * 4
Часть 1 9
Восьмидесятые годы 9
Двухтысячные 39
Девяностые 75
Конец ознакомительного фрагмента. 83

Марина Крамер
Три женских страха

* * *

Он напряженно следил за выходом из здания банка, сидя на удобной скамье с высокой спинкой. Сегодня хотя бы повезло с погодой – редкий для конца октября солнечный день, так что он хотя бы не слишком замерзнет, как вчера или позавчера. «Я тут скоро корни пущу». Казалось, перед глазами вот уже несколько дней не возникает ничего, кроме этого облицованного гранитными плитами крыльца со множеством ступеней и массивной двери с витыми бронзовыми ручками. Да еще длинный серебристый «Линкольн», припаркованный чуть правее от входа, не на специально оборудованной стоянке, а отдельно, так, чтобы его пассажир мог сделать всего несколько шагов по тротуару и сразу оказаться в салоне. Охрана – трое крепких парней в серых костюмах – работала исправно и слаженно, и это очень мешало выполнению задания. И все-таки сегодня ему удалось поймать паузу и сделать то, что требовалось. Осталось только дождаться момента.

Пассажир «Линкольна» появился строго по расписанию, около двух часов дня, – сейчас сядет в машину и отбудет в ресторан «Ходжа» – любит узбекскую кухню. Но сегодня ему

уже не удастся отобедать шурпой, кебабом из баранины и ароматной самсой – выбор блюд тоже постоянен, насколько смог убедиться наблюдатель в ходе ежедневной слежки.

Не удастся…

Едва только «Линкольн» отъехал от места парковки на приличное расстояние, человек на скамейке неторопливо опустил руку в карман куртки и нажал кнопку миниатюрного пульта. Оглушительный взрыв, вой сработавших на припаркованных по всей улице машинах сигнализаций, крики – звуки разорвали мерное течение обычного буднего дня. К горящему «Линкольну» уже бежали люди, и никто не обратил внимания на невысокого человека в серой толстовке под распахнутой курткой и спортивных брюках, который, аккуратно затянув под подбородком завязки капюшона, неторопливо направился в сторону автобусной остановки.

– Александра Ефимовна, вас к телефону!

Занятия на кафедре нормальной анатомии медицинского института подходили к концу, время было вечернее, и завершалась последняя пара у второкурсников. Ассистент, молодая худенькая женщина в белом халате, туго затянутом поясом на талии, в белом накрахмаленном колпаке и в туфлях на высокой шпильке, недовольно отложила на оцинкованную ванну пинцет, которым до этого держала отпрепарированную вену, и бросила низким, глуховатым голосом:

– Закончите, пожалуйста, без меня, посмотрите все от-

ветвления и зарисуйте схематично. На следующем занятии проверю. Дежурные пусть сразу уберут труп в ванну.

– Вы уже не вернетесь, можно уходить?

Александра Ефимовна с заметным удивлением оглядела группу, сгрудившуюся вокруг ванны-стола, – да как им в головы мог прийти подобный вопрос? Ни разу в жизни она не вышла из этой комнаты раньше, чем стрелки на часах показывали окончание занятий.

– Я отвечу на звонок и вернусь. У нас еще хватит времени на небольшую контрольную по каналам височной кости.

Цокая каблуками, она удалилась походкой примы-балерины. Александра прекрасно знала, что произойдет, едва за ней закроется дверь. Пинцеты полетят в емкость с дезраствором, труп будет тут же закутан в одеяло и опущен в формалин, а студенты кинутся рвать друг у друга конспекты с темой «Каналы височной кости» – темой, которая вдалбливается им как «Отче наш» еще с первого курса. Не новость – она сама в годы студенчества так делала, да и происходило это всего семь лет назад. За семь лет Александра Гельман успела окончить институт, стать ассистентом кафедры, написать диссертацию и защитить ее, отбившись от нападок завистливых коллег, – да мало ли. К тому, что ее здесь не любили, Александра давно привыкла.

В ассистентской не было никого, кроме лаборантки Наташи, мывшей пол, – она и позвала Александру к телефону.

– Да, Гельман, слушаю, – произнесла Александра, сев за

стол и по привычке сбросив туфли – за день от длительного хождения на каблуках очень ныли ноги.

– Александра Ефимовна? – сказал приятный мужской голос. – Простите, что беспокою, но… дело вынужденное, так сказать… меня зовут Андрей Геннадьевич Фроленко, я заведующий отделением реанимации городской больницы «Скорой помощи». – При этих словах у Александры нехорошо заныло под ложечкой, и она машинально выпрямилась в кресле, словно собираясь для отражения атаки. – К нам сегодня поступил ваш родственник… Гельман Ефим Иосифович…

– Это мой отец… – автоматически уточнила она, шаря рукой по столу в поисках сигарет. Наташа, обеспокоенно наблюдавшая за ней, тут же услужливо подсунула зажигалку и пачку.

– Отец, значит…

– Не тяните, что с ним?

– Ваш отец в крайне тяжелом состоянии, вам лучше бы приехать. У него сильные ожоги и множественные травмы, подробнее пока не могу сказать. Прогнозы – дело неблагодарное, сами понимаете.

– Спасибо, – уронила Александра и опустила трубку на рычаг.

Пару минут она сидела в полной прострации, пытаясь уложить в голове полученную информацию. Что могло случиться средь бела дня с отцом, вокруг которого постоянно охрана? Ожоги – откуда, чем?

Придя в себя, Александра вскочила, бросила в пепельницу сигарету и метнулась к большому шифоньеру в дальнем углу ассистентской.

– Наташа, будьте добры, отпустите двести пятую группу, мне нужно срочно… – пробормотала она, и лаборантка заверила:

– Не волнуйтесь, отпущу. Серьезное что-то?

– Пока не знаю… – процедила Александра, успевшая уже переодеться из простого сатинового сарафанчика, надетого, как обычно, под халат, в строгое серое платье с высоким воротником. Осталось натянуть сапоги.

Почти бегом, прыгая через две ступеньки, она неслась вниз, к выходу из здания анатомички. Едва не сбила с ног заведующего кафедрой патологической анатомии, на ходу буркнула извинения. К счастью, ее машина не была еще заперта автомобилями других сотрудников, а потому Александра почти сразу сумела выехать на оживленную вечернюю улицу и направиться в сторону больницы. В хвост ее машине сразу пристроилась неприметная серая «девятка» с тонированными стеклами – охрана, приставленная отцом еще до замужества и продолжавшая присматривать за молодой женщиной даже теперь. «Надо братьям позвонить», – подумала Александра, но потом решила, что врач, скорее всего, уже сделал это – записанные на листок телефоны детей отец всегда носил в паспорте.

Часть 1

Восьмидесятые годы

Мне восемь лет. Я только что изрезала ножницами в лоскуты белую вышитую скатерть – подарок маминой бабушки ей на рождение моего старшего брата. Я почему-то особенно ненавидела эту скатерть – как будто она сделала мне что-то плохое. На самом деле все просто – именно эта скатерть лежала на столе в тот день, когда я в последний раз видела маму.

Сейчас передо мной – разъяренное лицо отца, свист ремня и глухие удары по столешнице в полуметре от меня:

– Александра!!! Чтобы я больше… никогда… никогда!!! Слышишь?! Запорюууу!!!

Ремень опускается на столешницу снова и снова, меня даже воздухом обдает, как от вентилятора. Я стою, расставив ноги и убрав за спину руки, в одной из которых по-прежнему крепко зажаты ножницы.

Отец отбрасывает ремень и, внезапно ссутулив плечи, уходит из комнаты.

Мне не страшно – мне обидно, что своей глупой выходкой я расстроила папу…

Сколько помню себя – я была отцовской любимицей. Возможно, потому, что я младшая, и с братьями – Славкой и Семеном – у меня разница в десять и восемь лет. А может, потому, что я единственная похожа на него – и длинным носом, и черными «еврейскими» глазами, и кудрявыми черными же волосами. Правда, как выглядел отец, пока волосы не покинули его голову, оставив на память лысину, я не помню – была слишком маленькой. Братья же пошли в маму и ростом, и статью: оба видные, крепко сложенные, спортивные. Я же… Пигалица, Кнопка – правильно отец меня прозвал. Он всегда утешал, мол, ты, Сашка, в тетю Сару, в сестру мою старшую, та тоже мелкая была в юности, а потом раздобрела. Видела я тетю Сару, все детство бок о бок с ней прошло. Не скажу, что перспективка «раздобреть» меня так уж радовала…

Мама была красавицей. Настоящей красавицей, это признавали все, кто ее видел. Но при этом от нее веяло каким-то холодом, она не была ласковой, редко улыбалась, говорила тихим голосом. Она прекрасно одевалась, я всегда замирала от восторга, когда видела ее в платье и туфлях на высоком каблуке. Мне так хотелось, чтобы мама пришла за мной в садик и все – дети, воспитатели – увидели, какая она красивая у меня. Но она никогда не делала этого – меня всегда забирали братья. Не знаю, почему, но у меня всегда было чувство вины перед ней – то не так стою, то в садике вымазала платье, то просто какая-то неуклюжая.

У меня был хороший голос, и на всех утренниках я непременно пела. Самым заветным желанием было – чтобы мама пришла и услышала, как я пою. Но она никогда не приходила, и от утренников у меня оставалось только острое чувство ненужности. Ко всем приходили мамы или бабушки, а ко мне – только изредка тетя Сара, если в этот момент оказывалась у нас в гостях. Я не могла понять, почему мама так не любит меня.

Мама бросила нас, когда мне исполнилось семь лет. Я помню этот день до мелочей, могу точно рассказать, что было на завтрак, обед и ужин, какую книжку я читала, какие цветы стояли на столе в гостиной. Отец тогда был в длительной командировке, он работал где-то за границей, не мог писать нам писем, их приносили какие-то люди и отдавали маме, она читала, а потом долго плакала, закрывшись в своей комнате. Ни братьям, ни мне она никогда их не читала, но я интуитивно чувствовала угрозу, исходившую от листков бумаги.

В тот день, когда мама ушла, тоже пришло письмо. Вернее, его принес худой белобрысый парень в спортивном костюме. Мама побледнела, молча взяла протянутый конверт и ушла к себе. У нас тогда как раз гостила тетя Сара, она вышла из кухни и приветливо пригласила гостя к столу, но тот отказался, поманил ее пальцем и что-то прошептал на ухо. Тетка охнула, закрыла рот концом платка, который неизмен-

но носила на голове, и попятилась к стене, а незнакомец, подмигнув мне, ушел.

Тетя Сара продолжала что-то бормотать на непонятном языке, и мне стало почему-то очень страшно. Захотелось к маме – а заодно и узнать, что в письме.

От любопытства меня просто распирало, я быстро шмыгнула по коридору к маминой спальне, но дверь оказалась заперта. Я принялась стучать, просить маму впустить меня, но за дверью была тишина. Я истерично рыдала, колотя в дубовую поверхность кулаками, и у тети Сары не выдержали нервы, она сгребла меня в охапку и утащила в свою комнату. Там она долго качала меня на коленях, как совсем маленькую, гладила по голове и что-то шептала. Понемногу я перестала плакать, успокоилась и уснула.

Ночью меня разбудило тихое бормотание. Открыв глаза, я увидела на фоне незашторенного окна силуэт тети Сары. Она раскачивалась из стороны в сторону, обняв себя руками за плечи, и монотонно говорила что-то. Я прислушалась – снова тот же незнакомый язык:

– Барух Ата Адонай, Элохэйну…Мэлэх Ха Олам, Борэ пери Ха гэфэн. Амэн…[1]

Я в испуге вскрикнула, и тетя Сара быстро обернулась:

– Что, Сашенька?

– Зачем ты это говоришь?! – зашипела я, размазывая по

[1] Благословен Ты, о Господь Бог наш, Царь Вселенной, сотворивший плод виноградный. Аминь.

щекам вновь хлынувшие слезы. – Мне страшно, не надо так говорить…

– Это… молитва, Сашенька, – чуть запнувшись, сказала она. – Я молюсь за твоего папу, за маму, за братьев.

– Зачем?! Молятся за мертвых!

Она обняла меня, прижала к себе и, тихо раскачиваясь из стороны в сторону, как делала недавно, проговорила:

– Живым молитвы важнее, Сашенька.

Утром, проснувшись небывало рано, я побежала к маме. Дверь открыта, но мамы нет. В раскрытом настежь шкафу болтались пустые вешалки, коробки из-под туфель напоминали разинутые рты… Вот в этой, красной, всегда лежала моя любимая пара – черные, на высоком каблуке, с изящно вырезанным носком… Мама всегда кричала на меня, если я пыталась сунуть в них ногу, – боялась, что сломаю каблук. Ничего… даже халата…

В последнее время мама часто уходила из дома, но делала это вечером, когда я уже лежала в постели, и никогда не брала с собой ничего, кроме сумочки. Сегодня же из ее комнаты исчезло почти все.

Я кинулась в комнаты братьев – их тоже не было. Оставалась только тетя Сара, к ней я и пошла за объяснениями. В моей детской голове никак не укладывалось, что мама могла вот так уехать куда-то и не попрощаться. Самое ужасное – завтра первое сентября, я должна идти в первый класс.

Тетя Сара сидела в кухне за столом и ловко перебирала

рис, отделяя чистые белые зернышки от потемневших. Когда я вбежала, она подняла глаза, и я заметила, что тетка плакала.

– Завтракать будешь, Сашенька?

– Где мама? – проигнорировала я.

Тетка отвела взгляд и пробормотала:

– Ушла куда-то.

– Ага – с чемоданом?! Со всеми туфлями?! – заорала я, совсем забыв, что повышать голос на взрослых категорически нельзя.

Наказание последовало мгновенно. Тетка встала, выпрямилась и, уперев в обтянутые цветастым платьем бока руки, негромко приказала:

– Замолчи и марш в угол!

Я, конечно, могла ослушаться, но такие вещи на тетю Сару никогда не действовали. Когда она приезжала к нам погостить, даже Слава и Сева становились шелковыми и двигались по струнке.

– Гои! – шипела тетка, замечая любой непорядок. – Шлемазлы! Ничего не бережете!

Больше всего нам доставалось за порядок в доме – даже маме тетя Сара запросто выговаривала за неумение вести хозяйство.

– Вот погоди, вернется Ефим, – грозила она непонятно, и мама сникала, переставала спорить, брала пылесос, тряпки и принималась надраивать квартиру, которую и без того всегда

содержали в идеальном порядке.

Я не понимала, почему на маму слова тетки производят такое магическое действие. Своего отца я к тому моменту помнила плохо – он уехал работать за границу, когда мне было четыре. Но, судя по поведению братьев и мамы, папа был строг и очень требователен.

Мама не вернулась ни к обеду, ни к ужину. Братья появились, но за столом хмуро молчали. Тетя Сара напоминала картинку из моей любимой книжки – прямая, со скорбным лицом. Царица Савская.

– В общем, так, – произнесла она четко, когда ужин был окончен. – С сегодняшнего дня в этом доме хозяйка я – до того момента, пока не вернется отец.

– То есть насовсем? – злобно хмыкнул Славка, за что тут же получил подзатыльник и сморщился, но ответить не решился – рука у тетки была тяжелая, а решительности хватило бы на роту солдат.

– Думай, что говоришь – младшие смотрят! Отец вернется через два месяца. Завтра я веду Александру и Семена в школу, а ты, Вячеслав, едешь в институт. Все понятно?

– А можно мне в школу бесконвойно? – подал голос Семен, учившийся уже в десятом классе, а потому считавший появление тетки излишним.

Тетя Сара ехидно поджала губы:

– Где слово такое услышал? По папкиным стопам захотел? Мало мне горя… – и осеклась, глянув в мою сторону. – Хо-

рошо, иди один. Но после уроков заберешь Александру, мне нужно на рынок успеть и обед приготовить.

Семен не решился возражать.

Первое сентября я запомнила на всю жизнь так же, как и день ухода мамы. Учительница мне не понравилась – слишком походила на лягушку из мультфильма, с таким же огромным ртом. И я всю линейку ждала, что она вот-вот высунет длинный язык и поймает пролетающую мимо муху. Неприязнь оказалась взаимной. Я была самой маленькой по росту, но меня посадили на последнюю парту, и оказавшаяся передо мной дылда закрыла спиной доску. Недолго думая, я ткнула ее в спину ручкой. Девчонка заорала, и около меня тут же возникла Алевтина Аркадьевна:

– Ну-ка, встань! Как твоя фамилия?

Я послушно поднялась и выговорила четко:

– Гельман.

Лицо учительницы чуть вытянулось, лягушачий рот скривился:

– А папу твоего как зовут?

– Ефим Иосифович.

– А-а, ну тогда понятно. – Алевтина Аркадьевна отошла к доске и громко сказала: – Если ты еще раз обидишь кого-то из ребят, с тобой никто не будет разговаривать.

Я собрала в портфель пенал, альбом и тетрадку и пошла из класса.

– Гельман, вернись на место! Вернись на свое место, я кому сказала? – неслось мне вслед, но я не обращала внимания.

Возможно, именно Алевтина Аркадьевна своей фразой о «месте» подтолкнула меня к мысли о том, что никто не будет диктовать мне, где оно, мое место, – я всегда буду выбирать сама.

Я прошлась по гулко-пустым коридорам, рассматривая здание, в котором мне предстояло провести десять лет. Ничего мне особо не понравилось, кроме большого «зеленого уголка» на втором этаже, сплошь заставленного цветами, – тетя Сара была любительницей всякого рода комнатной зелени и мне прививала это же чувство. Поэтому там, где были цветы, мне тут же становилось уютно. Именно этот цветочный рай примирил меня со школой в целом.

Я дождалась окончания урока в углу около раздевалки, именно там меня и нашел Семен.

– Ну, как первый день? – он взял мой портфель и протянул руку, за которую я тут же и уцепилась.

– Не буду я сюда ходить, – сообщила я брату, выходя из школы.

Сема рассмеялся:

– Ну, Санька, это у нас семейное. Я в первый день вообще из класса вышел на пятой минуте.

– Я тоже, – со вздохом призналась я, и брат захохотал еще громче:

– Ну, говорю же – наследственность. Славка тоже перво-

го сентября учительницу дурой назвал. Правда, отец с него потом шкуру спустил.

– Сема, а ты помнишь папу? – спросила я, и он чуть помрачнел:

– А ты совсем нет?

– Совсем. Только как он мне куклу подарил – большую, с закрывающимися глазами.

Брат потрепал меня по волосам, сбив набок белый бант, и сказал:

– Ничего, Санька, через два месяца его освободят.

– Освободят? – вцепилась я в незнакомое слово и увидела, что лицо брата скривилось, как при зубной боли. – Как это?

– Вот я трепло, – вздохнул Семка. – Ладно, Сашура, ты не маленькая уже. Постой-ка, – он полез в карман и пересчитал мелочь и бумажные деньги. – Отлично. Идем, отметим твой первый день в школе и заодно поговорим как взрослые. Только чур – тетке ни гугу, поняла?

Я согласно закивала – разумеется, ничего говорить тете Саре я не собиралась. Мы с Семеном вообще очень дружили, хотя я и была моложе его вполовину. Он меня любил, играл со мной, именно к нему я бежала, разбив колено или ободрав локоть. Не к маме – к брату. Мама всегда казалась мне холодной статуей – очень красивая, но какая-то далекая, чужая, неласковая. Семен же, наоборот, всегда старался помочь мне.

Мы пришли в кафе «Красная шапочка», сели за столик,

и брат заказал мороженое, лимонад и мой любимый грушевый компот в красивой вазочке. Настроение мое мгновенно улучшилось, я заработала ложечкой, вылавливая пахнущие корицей кусочки фруктов из тягучего сладкого сиропа. Семка сделал глоток и спросил:

– Саша, а ты правда отца совсем не помнишь? Вроде времени не так много прошло.

Я только неопределенно кивнула, занятая поглощением компота. Но потом вдруг в памяти всплыло слово «освободят», и я отложила ложку.

– Сема, а что такое – освободят?

– Санька, я тебе расскажу сейчас, раз проговорился, но ты имей в виду – никто знать не должен. Иначе меня тетка… ну, ты понимаешь? – Он выразительно посмотрел мне в глаза, и я поняла – то, что я сейчас узнаю, больше никто знать не должен. У нас с братом будет своя *настоящая тайна*. – В общем, папа не работает за границей, он там даже не был никогда. Он… сидит в тюрьме, Санька.

Я почувствовала, как по телу бегут мурашки от ужаса и восторга – папа в тюрьме?! Как Ленин, книжку о котором нам читали еще в детском саду?! Мне и в голову не могло прийти, что бывают еще и те, кто не «как Ленин». Я не допускала мысли, что папа может быть там потому, что совершил какое-то плохое дело.

– А… за что? – еле выдохнула я, приготовившись узнать, что мой папа – настоящий герой, но Семен криво хмыкнул:

– За то, что пытался деньги забрать у одного… в общем, должен ему был один человек, вот папа и хотел вернуть. Да перестарался чуток.

– Как это? – Я не понимала ни слова, но любопытство просто раздирало.

– Этого я тебе не буду рассказывать, маленькая ты все-таки.

Вдруг лицо Семена изменилось, он как-то подобрался, сел прямо и посмотрел куда-то поверх моей головы. Я обернулась – в дверях кафе стояли двое в натянутых почти на самые глаза кепках. Один заметил нас, ткнул второго в бок локтем, и они направились к нашему столику.

– Санька, сиди тихо и молчи, поняла? – процедил Семка сквозь зубы и встал, опустив руку в карман школьных брюк.

Незнакомцы тем временем какой-то вихляющей походкой подошли к нам, и один, тот, что помоложе, щуплый и удивительно похожий на крысу, скинул кепку и с мерзкой улыбочкой поклонился в пояс:

– Наше вам с перебором, Семен Ефимыч! Отдыхаем-кушаем? Сестричку выгуливаем? – Он повернулся ко мне, и я отшатнулась, увидев между растянутых в улыбке губ золотые зубы. – Краасииивая девочка…

– Отвали от нее, – грозно произнес Семен. Он был на голову выше обоих, шире в плечах и явно сильнее физически.

Щуплый распрямился и переключил свое внимание на Семена:

– Что, фраер, думаешь, вот-вот батя выйдет? Батя-то батей, а ты сам-то кто? Сявка. За что мальчонку на больничку отправил?

– Повод был, – ничуть не испугавшись грозного тона, ответил Семен.

– Ах, повод?! Ну, тогда, в натуре, все по понятиям. Только не учел ты, ми-и-ла-ай, что паренек этот – сынок Вити Меченого. А Витя не прощает таких вещей. Ответить придется.

– Придется – отвечу, – по-прежнему спокойно сказал брат, но в этом спокойном как будто бы разговоре я уловила угрозу и опасность. Расплакавшись, выскочила из-за стола и вцепилась в рубашку брата:

– Сема, Сема, пойдем домой! Пожалуйста, пойдем!

Семен оторвал мои руки от рубахи, улыбнулся:

– Сейчас пойдем, Сашура. Договорю вот с ребятами.

Но им, судя по всему, не очень понравилось, что на них постоянно оборачиваются из-за столиков, и даже прозвучала фраза о милиции.

– Лады, Сема, отваливаем мы. Девчушке спасибо скажи. Но попомни – базар не окончен.

И они вышли из кафе теми же вихляющими походками. Я не хотела уже ни компота, ни мороженого. Страх за брата сковал меня, я поняла все, о чем говорилось, хотя и была совсем маленькой. Семену угрожали – и теперь он в опасности, потому что сделал этим двоим что-то плохое. Брат тоже прочувствовал, что я понимаю, что происходит. Он подхватил

меня на руки, взял со стула мой портфель и пошел к выходу.

– Не плачь, Санька. Все утрясется. И помни – никому нельзя ни о чем рассказывать.

Я согласно кивнула, обхватив его за шею.

– Сема… а они тебя убить хотели?

– Ну прям! – хохотнул брат. – Нашла убийц. Это так… шпана.

Так у нас с Семеном возникла привычка доверять друг другу секреты. Именно с того дня я стала для него чем-то вроде копилки тайн, ямкой в песке, куда можно пошептать и забыть, зная, что секрет никто не узнает. Что бы ни говорил мне впоследствии брат, какие страшные и недетские порой вещи ни доверял – я ни разу, ни под каким предлогом не выдала его и не подвела.

…Назавтра утром кровать Семена пустовала, а его самого нигде не было. Тетя Сара и Слава сбились с ног, обегали весь район, но нигде беглеца не нашли. Только я понимала, что Семен где-то прячется от тех самых людей из кафе. Но сказать никому не могла – ведь я дала слово.

Обращаться в милицию тетка категорически отказалась. Они со Славой сидели в кухне, а я, спрятавшись в туалете, прилипла к стенке, превратившись в слух.

– Даже не думай! – говорила тетя Сара. – Отец узнает – сам понимаешь, не маленький уже!

– Но что ты ему скажешь, если Семка не найдется до его приезда?

– Найдется. Где ему, гонофу, столько времени отсиживаться? Странно только, что ничего не взял с собой. Один Бог знает, что мальчик будет кушать…

В этой фразе была вся тетка – обругать, но тут же подумать о том, что племянник где-то один и, главное, ему нечего есть.

– Не сдохнет, – с досадой проговорил Слава. – Нашел время в прятки играть.

Я понимала причину раздражения старшего брата – теперь ему придется каждое утро водить меня в школу, а это ведь обязанность Семена: он исправно водил меня и в детский сад.

Меня так и распирало выйти и рассказать тетке и брату о причинах исчезновения Семена, но данное слово заставляло меня сцепить зубы и молчать. Я не могу подвести Сему.

Утром следующего дня злой и невыспавшийся Слава вел меня в школу и всю дорогу поторапливал:

– Шевелись, Санька, опоздаем.

Я еле успевала перебирать ногами. На крыльце школы я вдруг увидела одного из тех двоих, из кафе, и встала как вкопанная. Слава тянул меня за руку, но я приросла к месту и не двигалась. Нас заметили – оба типа вразвалочку начали спускаться с крыльца, растягивая губы в мерзких ухмылках, и поблескивающие золотые зубы наводили на меня еще больший ужас – казалось, что к нам приближаются две акулы, которые вот-вот разорвут и меня, и Славу.

– Здорово, детишки, – произнес тот, что моложе, подходя к нам. В другой момент я бы посмеялась – Слава был на три головы выше, намного шире в плечах и явно сильнее, а по возрасту не особенно моложе.

– Что надо? – не очень приветливо поинтересовался брат, на всякий случай становясь впереди меня и закрывая весь обзор.

– Куда братишку-то запрятали? Думаете – не найдем? Найдем, только хуже будет.

– Я не понял… – Слава смотрел то на одного, то на другого, а я осторожно выглядывала из-за его спины.

– Что ты, в натуре, не понял? Куда шкета своего сныкали, спрашиваю? – уже без улыбочки спросил молодой. – Все равно найдем, весь город перевернем, но отыщем и башку в задницу засунем.

Слава больше не стал слушать. Коротко размахнувшись, он ударил молодого снизу в челюсть с такой силой, что тот упал и перевернулся через голову. Второй выхватил из кармана нож и, перебрасывая его из руки в руку, чуть согнул колени:

– Ну, давай, фраерок, иди сюда! Посмотрим, как кровь клещовского выродка выглядит!

Я завизжала, но Слава не отвлекся. Весь подобравшись, он внимательно следил глазами за тем, как летает из руки в руку нож. Внезапно парень сделал резкий бросок вперед, и на левом плече Славы появилась ярко-красная полоса. Я за-

визжала еще громче, присела на корточки и закрыла руками лицо. В школьном дворе было полно народа, но никто и не думал прийти на помощь. Только какая-то пожилая женщина, пряча за себя мальчика с ранцем на спине, с безопасного расстояния крикнула: «Нашли место драку устраивать! Хулиганье!» – и тут же поспешила скрыться за школьной дверью.

Рана не помешала Славе поймать момент и ударить противника в правую скулу. Тот выронил нож и кинулся на Славу, и в тот же момент я оказалась в руках очнувшегося после удара второго нападавшего. Он крепко схватил меня и приставил к горлу нож:

– Давай, фраерок, трепыхайся – сейчас соплюхе вашей кочан отверну! Говори, куда меньшого спрятали, ну?!

Слава не растерялся – улучив момент, он ударил своего противника в висок, и тот рухнул ему под ноги, а брат рванулся в нашу сторону. Рука державшего меня парня чуть дрогнула, я почувствовала страшную острую боль в шее слева, по коже потекло что-то теплое. Державшие меня руки разжались, и я упала на землю, а Слава и похожий на крысу парень сцепились намертво. Мой брат был физически намного сильнее, занимался боксом и довольно быстро одолел противника. Он сразу кинулся ко мне, подхватил на руки:

– Саша, Сашенька, больно? Потерпи, сейчас… – Он торопливо полез в карман и, достав платок, приложил его к моей шее.

Кто-то из родителей, кажется, догадался вызвать милицию, потому что к нам из вылетевшего из-за угла школы «уазика» спешили двое в форме.

– Что случилось? – Слава не обращал внимания, пытаясь остановить кровь, струйками стекавшую за воротник моей школьной формы.

Я же чувствовала какую-то странную усталость, даже плакать от боли и страха было трудно. Глаза закрывались, хотелось спать, а голоса звучали так глухо, словно уши заткнуты ватой.

– Да помогите же! – доносился голос брата. – Он ей горло порезал! Вызовите врача!

Дальнейшее я помню плохо, только низкий потолок машины «Скорой помощи» и закушенную Славкину губу. Он держал меня за руку, его левое плечо украшала повязка, а на скуле наливался синяк.

Когда же я в следующий раз открыла глаза, то увидела сидящую рядом со мной тетю Сару. На ней был белый халат и неизменный платок, только на сей раз почему-то черный. Я хотела пить, попробовала повернуть голову и не могла – шея обмотана повязкой, а каждое движение причиняло боль. Тетка заметила мои попытки, встрепенулась:

– Сашенька, деточка, очнулась? Где болит?

– Пить… дай мне пить… – с трудом попросила я, и тетка принялась поить меня с ложечки.

Стало немного легче. Почему так болит шея? Я протяну-

ла руку и попробовала снять повязку, но тетя Сара не разрешила:

– Не надо, Сашенька, доктор сказал – не трогать.

– Почему больно?

– Порез там большой, швы наложили. Много крови ты потеряла, я уж думала – не увижу тебя больше, – тетка зарыдала. Глядя на нее, заплакала и я.

Тогда я вспомнила, как противный парень, похожий на крысу, держал нож у моего горла и как мне вдруг стало очень больно и потекло что-то липкое и горячее.

Тетка не отходила от меня, читала книжки, рассказывала что-то, а однажды вдруг шепотом сказала, что скоро приедет мой отец. Это сообщение меня взбудоражило – отец, которого я совсем не помнила, скоро приедет! И я начала одолевать тетку вопросами:

– А когда меня выпишут?

– А я успею попасть домой до приезда папы?

– А мне можно уже будет ходить?

– А ты заплетешь мне косички теми синими ленточками, что купила недавно? – и все в таком духе.

Тетя Сара уже не рада была, что сказала:

– Да умолкни ты хоть на секунду, помело! Вот прицепилась! Будешь столько болтать – не выпишут, – пригрозила она, и я прикусила язык.

Я провела в больнице почти месяц, а потом еще два – до-

ма. Ко мне приходила учительница – не Алевтина Аркадьевна, другая – молодая и улыбчивая. Она занималась со мной, а я лежала в постели и не могла повернуть голову влево – не разрешали. Во время моей болезни произошло еще несколько событий.

Во-первых, нашелся Семен. Пришел сам, грязный, похудевший, но по-прежнему улыбающийся. Получив отменную взбучку от Славы, а потом от тетки, он только мне рассказал, где находился все это время. Оказалось, скрывался на заброшенном кирпичном заводе на окраине города, жил в комнатушке, обставленной мебелью с ближайшей помойки, разгружал вагоны на станции, чтобы заработать на хлеб и дешевые консервы. Вернулся же потому, что со дня на день должен был появиться отец, да и похолодало. Когда увидел шрам на моей шее, кулаки его сжались, а глаза налились злобой:

– Твареныши! Это из-за меня, Санька… Ничего – я их по одному выловлю.

– Они тебя убьют, у них ножи есть, – я не знала, что напавших на нас со Славой парней в тот же день забрали в милицию, и сейчас они ждали суда, а моя тетка ходила к следователю.

– Да хоть по десять! – запальчиво выкрикнул Семен.

Мы так увлеклись разговором, что не услышали звонка в дверь и тихого вскрика тети Сары, а когда поняли, что дома что-то происходит, на пороге моей комнаты уже стоял невы-

сокий лысый мужчина с горбатым носом, большими черными глазами в пушистых ресницах и намечающимся брюшком, обтянутым спортивной кофтой.

– Папа! – заорал Семен и рванулся с кровати к мужчине, едва не сбив его с ног.

Мужчина молча обнял его, похлопал по плечу, оглядел фиолетовый синяк под правым глазом – результат воспитательной работы старшего брата – и отстранил от себя:

– Позже разговор будет. Иди к себе.

Семен вроде как стал меньше ростом, ссутулился и обреченно побрел из комнаты, а мужчина приблизился к моей кровати, сел на край и взял мою руку. На его пальцах я увидела синие рисунки и испугалась, но он заговорил ласково, часто-часто моргая глазами:

– Сашенька, какая большая стала… что с тобой случилось, Кнопка? Кто тебя обидел?

Я только сейчас поняла, что ведь это мой папа – папа, которого я почти не помнила. И только голос… Голос, который я ни с чьим не перепутала бы – потому что помнила, кто читал мне сказки на ночь.

– Папа… – Я заплакала, с трудом села и прижалась к нему.

От него странно пахло, и этот запах почему-то внушал мне страх. В памяти сохранился другой запах – хвойный, лесной. Спокойствие. Сейчас же от него пахло злобой и жестокостью.

Отец осторожно гладил меня по голове, целовал в макуш-

ку и что-то бормотал:

– Ну, все, Кнопка, я вернулся. Теперь все будет хорошо.

Вечером мы впервые оказались за столом всей семьей. Ради такого случая тетя Сара разрешила мне нарушить постельный режим. Я во все глаза смотрела на папу. Он переоделся в новые треники и майку. Он оглядел сидевших по обе стороны от него Семена и Славу, хмыкнул и проговорил:

– Хороши-и-и!

Это относилось к расквашенным губам и скулам братьев – они и в самом деле выглядели ужасно.

– Больше никаких драк, понятно? Занимайтесь своими делами, у вас их предостаточно. А с тобой, – отец повернулся к Семену, и тот сжался на стуле под его взглядом, – будем разговаривать чуть позже. Отдохну, отлежусь – и в подробностях.

Мне было странно и страшно слышать это. Отец, которого мы так долго ждали, говорил нечто ужасное, что заставляло Семена бояться.

– А с тобой, Кнопка, мы придумаем, чем свободное время занять, – подмигнул папа мне, и я улыбнулась.

В отличие от мамы, папа, похоже, меня любил.

Он не выходил из своей комнаты два дня, зато к нему постоянно приезжали какие-то люди, и тетя Сара не успевала открывать и закрывать дверь. Кто эти люди – тетка не знала, а если и знала, то говорить не собиралась. Зато сам отец

через два дня явился ко мне в комнату совершенно непохожим на то, каким я его увидела. Одетый в красивый костюм, гладко выбрит, от него теперь пахло так, как раньше, – одеколоном с хвойным ароматом. И это был мой папа – такой, каким я его запомнила, хоть и была совсем маленькой.

– Ну, как? – с улыбкой спросил он.

– Красиво, – искренне ответила я, с восхищением глядя на преобразившегося отца.

– Ну и отлично. Сейчас по делам съезжу – и буду с тобой. Хочешь, книжек куплю в магазине, почитаем? Или игру какую-нибудь?

– Не знаю…

– Хорошо, разберемся, – снова улыбнулся отец и вышел.

Я услышала, как он зовет Семена, как тот откликается из своей комнаты, потом шаги по квартире – и все стихло. Я какое-то время почитала книгу, потом выпила бульон с пирожком, принесенный тетей Сарой, и задремала.

Назавтра за столом я увидела совершенно другого Семена. Он был бледен, глаза красные, руки подрагивают. Он невпопад отвечал на вопросы тети Сары, а отец невозмутимо пил крепкий чай и то и дело подмигивал мне. Слава с Семеном ушли – один в школу, другой в институт, тетя Сара принялась убирать посуду, а отец бережно поднял меня на руки и понес в мою комнату.

– Фима, ты едешь куда-то? – спросила тетка, не отрываясь

от посуды.

– Нет. Сегодня я дома, с Сашкой.

Я крепко обняла его за шею и прошептала на ухо:

– Я тебя люблю.

– И я люблю тебя, Кнопка.

Мы весь день провели в моей комнате, играли, читали, потом обедали – тетя Сара принесла нам обед прямо туда. Мое сердце от счастья готово было выпрыгнуть из груди – папа посвящал все свое время только мне, мне одной. Он расспрашивал о том, с кем я дружила в детском саду, что я люблю больше – мороженое или торт «Птичье молоко», какой мультфильм мне нравится – «Винни-Пух» или «Ну, погоди!» – словом, его интересовали любые подробности моей еще такой недлинной жизни. Он вытаскивал откуда-то длинные сосательные конфеты-«карандаши» с кисло-сладким вкусом и ел их вместе со мной, соревнуясь, у кого кончик конфеты станет более тонким. Он рисовал мне смешных чертиков и красивых принцесс в пышных платьях. Рассказывал детские сказки, которые я давно знала наизусть, но при этом превращался то в Колобка, то в Лису, то в Медведя, и я без удержу смеялась.

– Папа, еще! – просила я, и он в очередной раз принимался лицедействовать.

Мама никогда – ни разу – не проводила в моей комнате столько времени и не разговаривала со мной подолгу…

Меня только удивила одна маленькая деталька. Впервые

за все время ко мне не пришел Семен, хотя я слышала, что он вернулся. Это было странно.

– Папа, почему Сема не заходит? – спросила я, уцепившись за его пальцы.

– Я запретил.

– Почему?!

– Потому… – чуть запнулся папа. – Потому что он наказан.

– Но за что? Что он сделал? – никак не могла взять в толк я.

– Вырастешь – поймешь, Кнопка.

Меня это объяснение не устроило, и ночью я пошла в комнату Семена. Тот не спал и очень испугался, увидев меня на пороге в ночной рубашке и босиком:

– Ты зачем встала, Сашура?!

– За что папа тебя наказал? Что ты сделал? – требовательно спросила я, но Семен меня не слышал – подхватил на руки и понес обратно, в мою комнату.

– Сашура, никогда не спрашивай меня об этом.

О том, что произошло в тот день с Семеном, я узнала намного позже, когда мне исполнилось шестнадцать, а отношения с братом стали напоминать отношения с подружкой. Я почему-то вспомнила тот день, когда отец сначала увез Семена куда-то, а потом запретил приходить ко мне и свято соблюдал этот запрет целый год, и спросила брата – а почему,

действительно? Разговор происходил в квартире Семы, расположенной на одной из центральных улиц города в хорошем доме, с высокими потолками и прекрасным застекленным балконом-лоджией – там мы и чаевничали после похода по магазинам – тогда в них уже можно было купить все, что хочется.

– Зачем ты к этому вернулась? – скривился брат, как от зубной боли. – Столько лет прошло.

– Раз спросила, значит, мне важно. – Я потянулась к его пачке и взяла сигарету – вот уже полгода, как я могла закурить при отце и не бояться получить оплеуху.

Семен вздохнул, его глаза стали грустными. Он смотрел в пол лоджии, выложенный изумрудно-зеленой кафельной плиткой. Я вдруг заметила тонкое кольцо на безымянном пальце правой руки и маленькую бриллиантовую серьгу-гвоздик в ухе. Раньше их не было.

– Ладно, Сашка, ты взрослая и не по годам умная выросла. Я тебе расскажу – но обещай, что никогда не скажешь отцу. А как относиться ко мне – дело твое.

Это было интересно – такое вот предисловие, и я, чуть подавшись вперед и превратившись в слух, приготовилась узнать какую-то очень важную для брата тайну.

– Может, ты и не помнишь, но тогда, первого сентября, в кафе к нам с тобой двое подошли… – Я нетерпеливо кивнула – как я могла забыть те мерзкие рожи и золотые зубы? – За неделю до этого я с парнями в парке гулял, и к нам толпа под-

валила, стали деньги вымогать. А какие у нас деньги? Трешка на девятерых. Отец всегда учил – свое не отдавай. Ну, я кастет вынул – отцовский, нашел на антресолях, с собой всегда таскал, вроде как для форса – ну и… Так получилось, что я одного крепко стукнул, череп пробил. И оказался этот парень, как назло, сыном папиного конкурента. Но на нем же не было написано. Ну вот, ко мне с разборками папашки его подручные и подкатились. Я тогда здорово струхнул, в бега кинулся, не подумал, что они тебя видели, а значит, могут и Славку найти, и тетку. Ну, вот и нашли… – Семен вздохнул, придавил окурок в пепельнице, налил себе еще чашку чаю. – Я когда узнал, что тебя порезали, чуть с ума не сошел от страха. Да, испугался – отец должен был вот-вот вернуться, сама понимаешь – два косяка один за другим. Ну, вот… И он вернулся. Ты же помнишь, как он меня встретил. А потом, когда ему рассказали про мои разборки с сыном Вити Меченого, он решил, что я сам должен все развести, как заварил. Он того парня, что тебя… ну, в общем, он его из тюрьмы как-то сумел вытащить, привез меня на пустырь за город – туда, где свалка, знаешь? – Я снова кивнула. – Привез, а там уже Башка, Гамаюн, Бесо – да полно народу, вся его кодла. Стоят кольцом, а на земле этот тип валяется. Ну, отец меня в круг впихнул, пистолет достал и мне протягивает – мол, вот тебе, сынок, шанс смыть позор. Этот урод сестренку твою маленькую ножом по горлу шваркнул – так отомсти ему.

Я задохнулась от ужаса, вцепилась пальцами в столешни-

цу, а второй рукой машинально закрыла то место на шее, где под глухим горлом ярко-красной водолазки нестерпимо зачесался безобразный шрам.

– И ты?..

– А у меня не было выхода, Сашенька. Не было – это ведь позор на всю жизнь, отец бы меня уважать перестал. Я зажмурился и спустил курок. Но ты знаешь – я до сих пор помню выражение лица этого парня. Он готов был землю жрать, Сашка, только чтобы в живых оставили.

Мы замолчали. Свежий ветер ворвался на лоджию, раздул парусом прозрачные изумрудные занавески. Огромный шмель жужжал где-то в углу, атакуя искусственную белую лилию в декоративном горшке. Я взяла новую сигарету и решилась нарушить молчание:

– Сема, а почему потом он запретил тебе ко мне подходить? Ведь ты же сделал то, что он хотел.

Семен глотнул из чашки:

– Он мне сказал – ты едва ее на тот свет не отправил, держись подальше, иначе я за себя не ручаюсь.

– Ты что… разве папа… он не мог!

– Мог, Сашка. Мог. И сделал бы, если бы я нарушил запрет. Это уж потом он оттаял, обмяк, простил.

Тут в дверь позвонили. Семен пошел открывать, а я, докурив, откинулась на спинку кресла. Брата все не было, и я решила посмотреть, кто пришел. В коридоре слышались два голоса – один принадлежал Семену, а второй – незнакомому

мужчине. Но о чем они говорили… Мне в первый момент показалось, что я схожу с ума.

– Ты не понимаешь – у меня в гостях сестра, сейчас не время! – говорил Семен виновато, а в ответ ему неслось:

– Саймон, но мы ведь договаривались! Ты обещал! Мы не виделись неделю, я скучал! Как ты не понимаешь – я не могу в одиночестве!

– Максим, я прошу тебя, без сцен! Я не хочу, чтобы Саша…

– Саша?! Так это не сестра?! Саймон, как ты можешь?! Ты скрываешь меня от всех, а теперь выясняется, что у тебя другой!

– Да нет же, дурашка, Саша – моя сестра, – оправдывался Семен, а меня уже вовсю тошнило: я догадалась.

– Сестра?! Точно?!

Я вышла в коридор. На пороге стоял худощавый миловидный парень лет двадцати, голубоглазый, стройный, с аккуратной прической, в белоснежной майке и голубых обтягивающих джинсах. Губы его дрожали, а глаза были полны слез.

– Я действительно сестра, – проговорила я, борясь с тошнотой.

На Семена в этот момент было больно смотреть. Мой старший брат, моя опора, защита и лучший друг, выглядел сейчас пионером, застигнутым в туалете с журналом «Плейбой»…

– Саша… ты все не так…

– Не оправдывайся! – процедила я. – Или не делай, или не оправдывайся потом! – и кинулась в ванную, зажав рот.

Когда я вышла, смыв с лица косметику и чувствуя себя немного лучше, парня уже не было, а Семен лежал на диване лицом в подушку, и плечи его содрогались от плача. В тот момент я не могла понять, какое чувство во мне сильнее – жалость или отвращение.

– Сема… никогда не оправдывайся за любовь. Кому какое дело…

– Уйди отсюда! – пробормотал он.

– Я уйду… ты не бойся, я никому не скажу…

Я хорошо понимала, что о таком говорить отцу нельзя – он или Семку убьет, или сам свалится с инфарктом, а вернее всего – сначала то, потом другое.

Так и уехала одна, поймав такси. С Семеном мы довольно долго не общались, а когда снова встретились, то вели себя как ни в чем не бывало.

Двухтысячные

К отцу меня не пустили, как я ни орала в коридоре. Пожилая медсестра перегородила вход в отделение реанимации, и мне пришлось отступить. Выйдя на улицу, я закурила и достала телефон. Первым набрала Семена. Мобильный отключен, дома трубку долго не брали, я начала терять терпение, но вот наконец раздался тонкий мужской голос:

– Внимательно!

– Семен дома? – опустив процедуру приветствия, спросила я.

– А кто это?

– Не твое петушиное дело! – рявкнула я, проклиная Семкиного любовника Эдика. – Быстро трубку ему дал, пока я не приехала и не попортила прическу тебе, телка размалеванная!

– С-с-сучка! – пискнул Эдик, но трубку передал. Брат сразу выразил недовольство моим поведением:

– Саша, я просил тебя не обижать Эдика.

– Не сдохнет твой Эдик! – перебила я. – Будь добр, оторвись от амуров и приезжай в «бехтеревку».

– Куда? – не понял Семен.

– В больницу Бехтерева! – заорала я, швыряя окурок мимо урны. – Папа…

– Что?! – заорал в ответ Семен. – Что с ним? Убит?!

– Ты идиот?! Какого хрена я тогда тебя в больницу зову?! В морг звала бы! – огрызнулась я. – Я тебя умоляю – приезжай, мне тут одной страшно.

– Да-да, Сашенька, успокойся, сейчас…

Отключившись, я вынула новую сигарету. Предстоял еще один звонок – Славке. Неизвестно, трезв ли он, в состоянии ли приехать. Уроды…

Старшему брату я не дозвонилась, следовательно, подозрения оправдались – наверняка набрались с Юлькой еще с утра, лежат теперь невменяемые. Да и черт с ними, мы с Семкой сами разберемся.

Уже стемнело, а я продолжала стоять на крыльце, набросив поверх пальто длинный белый палантин, привезенный Семеном из поездки во Францию, куда он катался в прошлом месяце на романтик со своим Эдиком. Нетрадиционная ориентация брата меня не смущала – в конце концов, это его личное дело. Бесил только выбор возлюбленного. Эдик был на редкость мерзостным типом, с вечно бегающими глазками, дрожащими от кокаина пальцами и писклявым голосом, который еще и нарочно старался изменить. Если бы папа узнал… Но я умела хранить тайны брата, и он всегда был уверен, что от меня никакая информация не просочится. На семейные посиделки Семен приезжал один, а на вопросы о женитьбе только отшучивался – мол, такой, как Санька, нет, а на сестре жениться – инцест. Знал ли о пристрастии брата Славка, я понять не могла – при встречах тот вел себя невоз-

мутимо и спокойно. А, может, беспробудное пьянство сделало Славу безразличным ко всему происходящему.

В воротах больницы показался наконец темно-синий Семкин «Туарег», и я почувствовала облегчение. Все-таки теперь я не одна. Однако настроение мое резко ухудшилось, когда я увидела восседающего на первом сиденье Эдика в ярко-желтой лаковой куртке. Ну какого хрена, а?!

Семен в распахнутой кожанке, наброшенной на синюю майку, выскочил из джипа и кинулся ко мне:

– Ты говорила с врачами?

– Ты какого хрена сюда это пугало припер?! – зашипела я вместо ответа, с неприязнью глядя, как Эдик, открыв дверку, закуривает тонкую сигарету и отставляет мизинец.

– Саша, перестань, – попросил Семен тихо. – Прошу тебя – уважай мой выбор.

– Да уважаю я! Но и ты бы мог уважать то, что отец при смерти, и не тащить сюда этого…

– Так что с отцом-то? – попытался перевести разговор Семен с опасной темы на актуальную, но я еще не все сказала по поводу Эдика, а потому продолжила:

– Мы с тобой договаривались – я не трогаю твоих любовников, а ты взамен не выставляешь напоказ свои пристрастия, так? Скажи, было такое?

– Ну, было. Саша, давай сейчас не об этом, а о папе…

– О папе?! Интересно, папа сильно обрадовался бы, узнав о тебе правду, Семочка? Или тебе привычнее Саймон, а?

Я знала, что пинаю в больное место, заставляю старшего брата оправдываться за любовь к людям своего пола, используя информацию, которую для меня собрал частный детектив. Но появление раскрашенного уродца в такой момент рядом с нами я считала просто неприличным, а потому в выражениях не стеснялась. Семен молчал, понуро опустив голову. Поток обвинений прервал телефонный звонок – это оказался мой муж.

– Аленька, как ты? Как дела? – Родной голос и мягкое имя, придуманное специально для меня мужем, чтобы отличалось от его собственного, успокоили почти сразу, я выдохнула и пожаловалась:

– Плохо, Саша. Совсем плохо. Папа в больнице.

– Что случилось? – сразу напрягся он.

– Пока точно не знаю, но у него ожоги. Не могу найти никого, ни водителя, ни охрану – все молчат, ни один телефон не работает.

– Включи радио, если ты на машине! – приказал муж, и я выругала себя за несообразительность – если что-то случилось, то об этом уже трубят.

– Господи, какой ты умный, – пробормотала я, отмахиваясь от руки Семена, который пытался удержать меня на крыльце больницы, и направляясь к машине. – Когда ты вернешься? Я очень соскучилась…

– Если я тебе нужен, то хоть сегодня ночью.

– Что за привычка задавать дурацкие вопросы?! – возму-

тилась я. – Когда это ты был мне не нужен?!

– Я повторяю – если нужен, приеду так быстро, как смогу.

Когда он говорил таким тоном, у меня по спине бежали мурашки. Только муж и отец способны вызвать во мне подобные эмоции. Но если папе нужно порой еще и что-то объяснять, то Саше хватало взгляда, чтобы заставить меня подчиниться, согласиться с его мнением или просто разделить его точку зрения. Семен часто подтрунивал над этим: попалась, мол, строптивая коза на веревку. Но дело не в веревке – я очень любила мужа и доверяла ему.

– Приезжай. Мне тяжело и страшно…

Трубка зашипела и замолчала, я испугалась, что связь прервалась, стала снова набирать номер, но телефон мужа оказался уже отключен – значит, собирается, выключил, чтобы не отвлекали.

– Акела звонил? – Семен постучал пальцем в окно машины, и я кивнула:

– Садись, сейчас новости будут.

Выкрутив ручку громкости приемника почти на всю катушку, я закуталась в палантин плотнее и приготовилась ждать. Семен на заднем сиденье постукивал пальцами по подголовнику:

– Что Акела сказал?

– Сегодня ночью вернется.

Случайно переведя взгляд в зеркало заднего вида, я вдруг увидела на лице брата странную злобную гримасу, мгновен-

но сменившуюся равнодушием.

– Что-то не так? – высовываясь между спинок сидений, поинтересовалась я, но Семен покачал головой:

– Все в порядке, тебе показалось. Акела приедет, тебе будет легче.

– Все, заткнись, начинается.

Мы напряженно вслушивались в информацию, выдаваемую диктором, но ничего интересного не было. И только в самом конце выпуска из динамиков понеслось:

– Сегодня около двух часов дня возле ресторана «Ходжа» было совершено покушение на Ефима Гельмана, председателя правления банка «Барс», владельца акций ликеро-водочного завода и члена правления нескольких крупных фирм. Как нам стало известно, автомобиль господина Гельмана взорвался, когда Гельман и охрана сели в него, собираясь покинуть парковку у здания банка. По непроверенным данным, все, кто находились в тот момент в салоне, погибли.

Я дрожащей рукой выключила приемник и снова обернулась к брату:

– Ну, что скажешь?

Тот пожал плечами:

– А хрен его…

Мы и не заметили, что вся парковка у больницы уже забита машинами, в которых сидят по двое-трое. Съехалась папина «служба безопасности». Вон и дядя Моня – Моисей Израилевич, папин личный бухгалтер, и Бесо – невысокий

лысоватый грузин, правая рука и верный советчик. И много еще кто, я даже не сразу смогла всех узнать. Когда мы с Семеном собрались выйти из машины, чтобы поздороваться, я прошипела:

– Напиши эсэмэску своей телке, чтоб сидел тихо и не высовывался – порвут же, плакать будешь.

Семен кивнул – он уже и сам понял, что зря приволок своего любовника, просто не подумал, что съедутся все папины дружки-приятели, которые, как известно, не очень жалуют всяких «эдиков». Он вынул мобильный и защелкал клавишами, а я вышла на улицу и сразу попала в объятия Бесо:

– Вай, девочка моя, держишься? Молодец, Сашенька, надо держаться…

– Что ты каркаешь?! Он живой!

– Майзл тов! – покачал головой дядя Моня, протирая тряпочкой пенсне, снятое с толстого горбатого носа. – Фима всегда был счастливчик. Чтоб я так жил…

Бесо крепко ухватил меня за локоть и отвел чуть в сторону, сделав остальным знак остаться там, где стояли.

– Александра, надо сделать так, чтобы все считали, будто Фима мертв.

– Что?!

– Т-с-с, не ори! – зашипел он мне в ухо. – Думай. Это «заказуха». Тот, кто сработал, не остановится, будет пытаться зачистить. Поняла?! Охрану посадить надо, а лучше – перевезти домой. Врача, медсестру нанять – чтобы прямо там, на

месте, выхаживали.

– Если у него ожоги, нам никто его не отдаст ни под какую расписку, – возразила я, стараясь высвободить локоть. – Ты же понимаешь – дома мы не сможем обеспечить уход…

– Александра, не туфти! Надо будет – куплю все и привезу, и врача за ногу прикую к койке! – фыркнул Бесо, явно недовольный моим ответом.

– Ты что думаешь, мне самой не проще будет, если я его домой заберу?! – зашипела я в ответ. – Да в сто раз! Но пока мы ничего о состоянии не знаем – не выйдет.

– Ааа, твою за ногу, этого только не хватало! – с досадой сплюнул Бесо, глядя на ворота – там показались две милицейские машины. – Какая сука это сделала?

– Скажи своим, пусть разъезжаются, – процедила я. – Только милиции еще здесь не хватало – объясняйся с ними…

Но у нас был дядя Моня, против аргументов которого не устоял никто. Неторопливой походкой кругленький дядя Моня в золотом пенсне, длинном пальто и смешной шапке-пирожке приблизился к машинам, мгновенно вычислил старшего и отвел в сторону. Что будет дальше, я хорошо знала – сейчас дядя Моня разведет такую туфту, что бедный милиционер запутается и забудет, зачем вообще сюда вызван, возьмет немного отступных и уедет восвояси вместе с подчиненными. Этот фокус я видела в своей жизни неоднократно.

– Акела знает? – спросил тем временем Бесо, и я кивну-

ла. – Хорошо. Сашка, ты пока из дому одна не выходи, лады?

– В смысле?

– В прямом. Если Фиму «заказали», тебе бы тоже не мешало осторожнее быть.

– Нам, а не мне.

– Тебе, дуреха. Кому нужны твои никчемные братцы? Выродил же Фима сыновей! Алкаш и петушатник – тьфу! – скривился Бесо, и я подпрыгнула:

– Что?!

– Ой, Саша, давай без байды, – попросил он, примирительно поглаживая меня по плечу. – Давно я все знаю про твоего братца Сему, только Фиме не говорю – боюсь, такого позора он не потянет. И так от дел отошли, живут как недоумки, а тут – такое. Была б ты, Санюха, парнем – цены бы тебе не было…

– Мне и так цены нет. Бесо, я тебя прошу – никому про Семку, ладно?

– Да не бойся, – тяжело вздохнул он. – Ради отца твоего молчу.

– Спасибо. Так что ты говорил про смерть? Тьфу – в смысле, про то, чтобы мертвым папу объявить?

– Во-от! Молодец, девочка, правильно мыслишь! – обрадовался Бесо, обнимая меня за плечи. – Значит, слушай сюда…

Он начал шептать мне на ухо, а я почему-то следила взглядом за Семеном. Тот совершенно очевидно маялся в

обществе дяди Мони, бросал тоскливые взгляды на свой «Туарег», в котором забаррикадировался его распрекрасный Эдик, и отчаянно хотел услышать, о чем же разговариваем мы с Бесо. Это меня и настораживало – никогда Семен не проявлял интереса к отцовским делам, доля в бизнесе, которую папа ему выделил, мало-помалу оказалась подмята тем же Бесо с мотивом «а то этот непутевый последнее прошарит», а Семкины интересы сузились до мальчиков и загранпоездок.

И вот сейчас проявляет заинтересованность. Неужели решил изменить жизнь и заняться делом, а не прожигать жизнь? Было бы неплохо… Славка вон, хоть и пьет, все же держится в кресле управляющего одной из папиных «дочерних» фирм – так почему бы Семену, который и умнее, и адекватнее, не попробовать вернуть родительскую благосклонность?

– Бесо, я поняла. Но мне кажется, это лишнее. Давай просто охрану посадим. А как только станет можно, заберем его домой, – дослушав доводы Бесо, отозвалась я. – Ты просто подумай – а потом-то что делать? Жив, мертв, снова жив… ерунда какая-то.

– Не была б ты его дочь, не стал бы я тут распинаться, – буркнул недовольный моим решением Бесо и вздохнул: – Делай как хочешь, Александра, мое дело – предложить. Пойдем, что ли, запустим Моню к врачам, пусть узнает, что и как.

Разумеется, кроме дяди Мони, провернуть такое не под силу никому, даже мне – сотруднику кафедры мединститута. Мне разрешили пройти на пару минут в палату к отцу, выдали халат, бахилы и маску. Я двинулась по длинному мрачному коридору вслед за невысоким коренастым доктором. Сердце бешено колотилось в ожидании встречи. Как он, в каком состоянии? Что сейчас я увижу? Насколько легче бы мне было, если бы рядом сейчас шел не доктор, а мой любимый муж Саша… Он бы держал меня за плечо, возвышаясь надо мной, как гора Фудзияма, и я бы чувствовала себя защищенной. Но его нет – уехал по каким-то папиным же делам… Саша-Саша, верный волк Акела…

Доктор резко остановился, и я, задумавшись, уткнулась ему в спину. Он обернулся и посмотрел неприязненно:

– А вы аккуратнее можете?

– Простите, – пробормотала я.

– У вас три минуты, не волнуйте больного.

Он пропустил меня в палату и ушел. Я растерянно огляделась – успела уже забыть, как выглядят палаты реанимации, предпочитая иметь дело с отпрепарированными трупами, мало похожими на людей. В палате оказалось две огромные кровати, стоявшие напротив друг друга. Одна пустовала, а на другой лежал мой отец, забинтованный через всю грудь, с повязкой на голове и заклейками на правой скуле, подбородке и левой щеке. Обе кисти тоже забинтованы.

– Ох, черт… – выдохнула я и оперлась спиной о дверной

косяк, чтобы устоять на подгибающихся ногах.

Отец вдруг закашлялся, и я вздрогнула, собрала в кулак волю и приблизилась, в душе ругая себя последними словами – я же врач все-таки, у меня образование, кандидатская! А веду себя как торговка рыбой…

– Папа… это я, Саша…

Отец с трудом разлепил набрякшие веки, посмотрел на меня и пробормотал:

– Дай воды… горит…

Я выругала себя за недогадливость, но потом подумала – ведь я даже не знала, пустят меня к нему или нет, поэтому и не привезла даже элементарной минералки. Но на тумбочке стоял стакан, и в нем – вода и столовая ложка. Я осторожно вливала воду в пересохший разбитый рот отца. Он с трудом глотал и, напившись, благодарно посмотрел на меня:

– Спасибо… Сашенька… – и я отметила про себя – не Пигалица, не Кнопка, как всегда дома. По имени. Он крайне редко звал меня по имени, только когда сердился.

– Тебе очень больно? – глупо поинтересовалась я и тут же прикусила язык – даже если ему дико больно, не скажет, будет терпеть.

– Больно… – удивил меня отец, чуть сморщившись. – Грудь…

– Хочешь, я позову врача?

– Не надо… Послушай… – Он коснулся моей руки своей перевязанной кистью, и я наклонилась, чтобы лучше рас-

слышать его тихий голос. – Заказали меня… кто-то хочет убрать. Убрать, понимаешь? Мешаю я кому-то, давно мешаю…

– Ты не волнуйся… скажи – подозреваешь кого-то?

– Знал бы прикуп…

– Я поняла.

– Акела где?

– Домой едет, папа. Ночью вернется.

– Это хорошо. Он защитит тебя, если что. Братьям скажи, пусть будут осторожнее. И Бесо попроси – пусть хоть втихую им охрану приставит. Боюсь я, как бы на вас давить не начали.

– Папа, не волнуйся, мы взрослые люди – что может случиться?

– Не перебивай. Акеле скажи – пусть тебя вообще не выпускает из виду. Отпуск возьми, сиди дома, а лучше – уезжайте с ним куда-нибудь, отдохните. Пока не уляжется. Слушайся его, Саша, – только он сможет тебя уберечь.

Я хотела еще кое-что спросить, но тут появился врач и сделал мне знак, что пора уходить. Я встала, но, подумав, наклонилась и поцеловала отца в щеку.

Выйдя из палаты, я повернулась к врачу:

– Скажите, здесь есть отдельная палата?

– Он и так лежит один.

– Я не об этом. Вы знаете, кто он?

– Знаю, – скривился доктор. – Видел и руки, и грудь, и

колени папеньки вашего.

– А фамилию читали на истории болезни? – начала закипать я, уязвленная тем, что врач сразу отнес моего отца к малоуважаемой, хоть и влиятельной когорте бандитов-«синих», то есть тех, кто провел много лет в местах заключения и был отмечен татуировками. Отчасти это было правдой – папа отсидел в своей жизни три срока, но не стеснялся этого и не скрывал своей принадлежности к зэкам. Только вот доктору, дававшему клятву Гиппократа, должно быть все равно, кто перед ним.

– И фамилию читал. И дальше что?

– А дальше… чтоб ты дежурил в тот час, когда его добивать придут! – выпалила я, хватая его за борт распахнутого халата. – И чтоб не медсестер покосили из «калашей», а тебя, понял?! Я не потому про отдельную палату спросила, что мне эта не понравилась или деньги некуда девать! А только чтобы ваши задницы прикрыть, случись что! Понял?!

Доктор побледнел и сделал шаг назад, но я крепко держала его за халат и не позволила сбежать.

– Ну, так что? Будем палату искать такую, где трое охранников поместятся?

– Я… я не могу решить это сам… нужен заведующий или лучше главврач…

«Е-мое, сколько нахлебников…» – прикинула я, понимая, что всем этим людям придется заплатить – как и милиции, чтобы не сажали своих охранников. Хотя… А ведь

это мысль. Надо срочно сказать дяде Моне, чтобы позвонил начальнику местного управления. Пусть пошевелится и пришлет пару-тройку бойцов.

– Хорошо. Мы поступим вот как… – Я отпустила многострадальный халат доктора и полезла в сумку. Две купюры приятного зеленого цвета перекочевали в его нагрудный карман. – Сейчас мы посадим прямо тут пару молодых людей, а совсем скоро их сменят сотрудники милиции – так пойдет?

– Пойдет, – кивнул доктор, поглаживая карман.

– Ну и договорились. Халаты найдутся?

– Конечно.

За десять минут мы урегулировали все вопросы с охраной и милицией, и я направилась к «Туарегу» брата. Постучав в стекло, я бросила Семену:

– Выйди.

– Может, присядешь? Холодно уже.

– Много чести, – это относилось к Эдику, и тот вскинулся, как маленькая злобная собачонка, но в присутствии Семена не решился ни ответить, ни огрызнуться.

Семен только вздохнул и вышел из машины.

– Ну, что узнала? Как отец? – спросил он, поднося мне зажигалку.

– Разговаривает, в сознании. Но весь в бинтах, ожоги сильные. Болит все. Представь, как болит, если папа об этом вслух сказал? – я передернула плечами.

– Да уж… – протянул брат. – Помню, он как-то летом с

лестницы на доску голой ногой спрыгнул, а там гвоздь торчал. Так в палец и вошел – насквозь. Кровищи было… а он только губу закусил, сел и сам гвоздь этот обратно и вырвал. Я, помню, в обморок хлопнулся…

Могу представить – я бы сейчас и сама хлопнулась от одних только воспоминаний, а уж если бы увидела… Хотя я девушка не слабонервная, крови не боюсь.

– Что делать будем? – поинтересовался меж тем брат.

– А что делать? Лежит, охрану приставили, – я пожала плечами. – Что еще сделаешь?

– Он говорил тебе что-нибудь?

– Ничего особенного. Он не в состоянии вести светские беседы, как ты понимаешь.

– Сашенька, тебя проводить? – возник откуда-то из темноты Бесо.

– Не надо, я на машине.

– Пусть Акела позвонит сразу, как вернется.

– Он ночью приедет, ты уже будешь спать, – улыбнулась я – о Бесо говорили, что за сон он с потрохами продаст свою необъятную жену Медею, которую любил больше жизни. Папа рассказывал, что раньше, приезжая на «стрелку», Бесо мог спать прямо в машине до тех пор, пока не «начиналось», и при этом четко чувствовать момент, когда нужно выскочить и выхватить оружие. Ни разу Бесо не проспал и не получил даже царапины.

– Вай, зачем смеешься над старым Бесо? – добродушно

рассмеялся он. – Ради звонка Акелы я спать всю ночь не буду.

– Хорошо, он позвонит сразу, как приедет.

Мы попрощались, и я заметила, как нарочито проигнорировал Бесо протянутую для пожатия руку Семена.

Дома меня ждал ужин, приготовленный приходящей домработницей – муж не терпел в доме посторонних, а потому миловидная хохлушка Ксана появлялась три раза в неделю днем, чтобы ни меня, ни Саши дома не было. Осмотрев кастрюли, сковороду и стоявшие в холодильнике вазочки с салатами, я успокоилась – будет чем покормить вернувшегося мужа.

При воспоминании о нем меня снова сладко передернуло. Мы женаты уже пять лет, до этого встречались несколько месяцев, но каждый раз я с восторгом смотрела на своего мужа и думала, что счастливее меня нет никого. И даже огромная разница в возрасте меня не смущала. Саша старше на двадцать лет, но я никогда не замечала этого. Благодаря своим пристрастиям к кэндо Саша поджар, строен, широкоплеч и со спины выглядел даже лучше, чем мои ровесники. Если бы не лицо… Но и к этому я быстро привыкла, да что там – перестала замечать все изъяны уже на второй день нашего знакомства. Я влюбилась в него моментально, а он долго не принимал меня всерьез – да и как, если в момент нашей встречи я была почти ребенком, да к тому же дочерью

весьма непростого человека, на которого мой будущий муж работал? Он обращал на меня внимания ровно столько, как на осеннюю муху, застрявшую меж оконных стекол. Но я сумела переломить ситуацию, и вот уже пять лет счастливо замужем. Как ни злился папа, как ни запрещал – я все равно настояла на своем. И ни разу не пожалела.

Стоя под душем, я нащупала тонкий длинный шрам на шее слева – так и не удалось от него избавиться. В моменты близости Саша любил гладить его пальцами и не понимал, почему я стараюсь закрыть его и ношу водолазки с высоким горлом или шарфики. Я не считаю, что даже мужчину шрамы украшают, а уж женщину – тем более. Не то чтобы комплекс… просто неприятные детские воспоминания. Меня часто дразнили в школе, и, хотя я всегда давала сдачи, осадок от обидных слов остался. Однажды я услышала, как тетя Сара в разговоре с соседкой упомянула мой шрам – мол, кто возьмет замуж девушку с такой отметиной. Можно подумать, он на лице или как-то заметно уродовал меня! Но я запомнила ее слова и с тех пор перестала носить одежду, открывающую шею.

Помню, как перед первой нашей с Сашей совместной ночью я нерешительно стояла в ванной, сжимая под самым подбородком влажной от напряжения рукой ворот длинного халата, и представляла: сейчас он войдет и увидит отвратительную отметину.

– Все хорошо? – спросил Саша, забеспокоившись, что ме-

ня долго нет, и вошел.

Я развернулась к нему, не выпуская воротник, и снизу вверх посмотрела на возвышавшегося надо мной мужчину.

– Что с тобой? – он осторожно взял мою руку. – Ты боишься? Передумала? Я не буду принуждать тебя. Ничего страшного, для меня это неважно.

Большего оскорбления я не могла даже представить! Как мог он так легко отказаться от того, что я собиралась отдать ему? Разве может быть любимому и любящему человеку «неважно»?! Я ощетинилась, как кошка, и зашипела:

– Боишься?! Отца боишься – что голову свернет?!

– А чего боишься ты? – невозмутимо поинтересовался Саша, нажимая на какую-то точку запястья руки, державшей воротник, так, что я охнула и выпустила его. Горячие пальцы пробежались по шее вверх-вниз, нащупали шрам. Саша развернул меня к свету, сдернул халат с плеча:

– И что – вот из-за этого весь сыр-бор и нелепые обвинения? – Он нагнулся и легко поцеловал меня как раз в то место, откуда проклятый шрам начинался. – Глупышка ты. Подумала, что я… что мне… Ты еще такой ребенок, Аленька. Разве имеет значение внешняя оболочка? Ты не замечала, что любят толстых, худых, высоких, маленьких, красивых и откровенно уродливых? Не замечала, как иной раз идет красавец – а рядом с ним такая девица, что убиться хочется? – Говоря это, он все касался губами шрама, и по телу у меня пробегали мурашки. Я обхватила его за шею, чтобы

не упасть – от прилива новых, ранее незнакомых чувств и ощущений слегка кружилась голова и подгибались ноги. – Ты для меня самая прекрасная девушка, Аленька. Ты и сама это знаешь, маленькая плутовка… потому и заманивала меня все это время – знала, что я не удержусь, потому что ты нужна мне.

«Говори-говори, – думала я. – Не останавливайся… Мне так нравится слышать твой голос… я никогда не смогу полюбить другого. Зачем? Есть ты – мой волк-одиночка. И ради меня готов нарушить свое одиночество – а я так и хотела».

…Воспоминания о первой ночи с мужем настроили меня на романтический лад и немного отодвинули в сторону беспокойство об отце. Я бродила по дому туда-сюда, мерила шагами длинный коридор первого этажа и не могла дождаться, когда услышу звук въезжающего во двор джипа. Муж не признавал никаких других машин, кроме старенького «прадика», и никакие уговоры не могли заставить его изменить принципам.

– Мне не двадцать лет, чтобы пыль в глаза соплячкам навороченной машиной пускать, – неизменно отвечал он на все предложения сменить джип хотя бы на такой же, но более новый. – Машина как жена, при правильном отношении будет рядом всю жизнь.

Я уже давно махнула рукой – понять Сашины причуды порой не под силу оказывалось даже мне, поэтому и не вникала, просто принимала мужа таким, каков он есть. Собствен-

но, как и он – меня с моими привычками.

Если кто-то вдруг понаблюдал бы за нашим домом со стороны, у него возникло бы четкое ощущение, что тут живет шведская семья из четырех человек. В рабочие дни ровно в семь выезжала на представительской «Ауди» женщина в строгом белом пальто или короткой шубе – в зависимости от сезона, а следом – на черном «Мерседесе» с водителем – мужчина в деловом костюме и с папкой в руках. Зато по выходным на улицу частенько вылетал «Харлей Дэвидсон», управляемый девушкой в черном кожаном комбинезоне и серебристом шлеме, а за ним – побитый жизнью зеленый «Прадо», за рулем которого оказывался огромный мужик в потертой кожанке и темных очках вполлица. Однако обеими этими парами были мы – я и Саша. Всю неделю мы исправно придерживались общепринятых норм, ездили на работу – я в институт на кафедру, он – в банк отца, где официально занимал должность начальника службы безопасности, а по выходным позволяли себе расслабиться и заняться тем, к чему душа лежит. Я гоняла на байке, а Саша тренировался на природе во владении мечом и боевым шестом бо.

Папа крутил пальцем у виска, однако никогда не препятствовал, избрав девизом фразу «живите как хотите». Он понял, что лучшего мужа мне не найти, уже через месяц после нашей свадьбы, когда Саша в одиночку раскидал напавших на меня в лесополосе угонщиков. За подаренную отцом на свадьбу последнюю модель «Ауди» я едва не поплатилась

жизнью, и спасло только обостренное в отношении меня чутье Саши.

Он появился на трассе как раз в тот момент, когда меня уже выдернули из машины и, ткнув в сугроб лицом, решали, что со мной делать. Происходило это почти ночью, трасса загородная, машин мало – словом, идеальное место для преступления. Все могло закончиться очень печально, если бы не взвизгнувшая тормозами и прокрутившаяся на обледенелой дороге «бэшка» Саши. Он выпрыгнул из нее так стремительно и с такой силой ударил первого подвернувшегося под руку неудавшегося угонщика, что тот упал в снег и перестал подавать признаки жизни. Двое других оторопели и выпустили меня, готовясь обороняться, но остановить разъяренного Сашу мог только танк. Он мгновенно сбросил куртку, остался в майке без рукавов, и его чудовищные мышцы лучше всяких слов объяснили растерявшимся парням, что проще лечь мордами в снег и затихнуть, чем оказаться на месте собственного товарища, отдыхавшего в сугробе без сознания. Собственно, так они и сделали, выбросив на снег ножи. Саша быстро обшарил их карманы и презрительно бросил:

– Сявки малолетние. Стволом разжиться не смогли? На дело с двумя кухонными ножиками? Еще бы вилки прихватили, институтки из Смольного!

Он отряхнул снег с моей шубки, убрал растрепавшиеся волосы с лица и спросил:

– Испугалась?

– О-очень… – заикаясь, призналась я.

– Ничего, сейчас домой поедем, отогреешься, чайку выпьешь – и все пройдет.

– А с этими… что? – я кивнула на лежавших в снегу парней, и муж мой проявил небывалое благородство:

– Да я их просто не убью – и все.

С этими словами он ударил сперва одного, а потом и второго по шее, где-то сбоку, и я увидела, как парни прямо на глазах обмякли, превратившись в два абсолютно бесчувственных мешка.

– Поехали, – Саша развернул меня к машине. – Вести-то сможешь? Или я тебя отвезу, а сам с кем-нибудь вернусь?

До дома оставалось километров двадцать, не больше, и я решила, что доеду. Но меня волновала судьба напавших на меня парней – все-таки зима, мороз, за городом он еще сильнее, они ведь без движения замерзнут. К тому же, пока я размышляла, муж успел разрезать все четыре колеса их старенькой «девятки». Обратно им придется идти пешком.

– Саша… а что с этими? – я нерешительно кивнула в сторону угонщиков.

Муж презрительно сплюнул, поднял куртку и, застегивая ее, спокойно сказал:

– Не волнуйся. Очнутся минут через десять, как-нибудь выберутся. Нашла кого жалеть! Ведь они могли тебя… черт, меня как иглой в сердце укололо, представляешь? Сидели с Клещом… прости, с отцом твоим, – поправился Саша, за-

метив мою недовольную гримасу. – Сидели, чаек гоняли, и вдруг я чувствую – в сердце что-то колет, больно так. И страх – давно не испытывал такого страха, даже дышать тяжело, оглянуться невозможно. Ну, я вскочил, в машину прыгнул – и понесся. Отец, наверное, решил, что я умом тронулся, – Сашино лицо озарила улыбка, так необыкновенно красившая его.

У меня защипало в носу – так приятно было чувствовать заботу этого человека, его волнение, его беспокойство обо мне. Саша, Сашенька мой, одинокий волк Акела…

Я заплакала. Саша моментально подхватил меня на руки и понес к машине, на ходу целуя в мокрое лицо:

– Ну, что ты, малышка? Не плачь, моя родная. Ты же у меня «девка-уксус», – улыбаясь, напомнил он любимую фразу дяди Мони – тот звал меня так с самого детства за тяжелый характер и острый язык. – Не плачь, все уже закончилось.

Я кое-как взяла себя в руки, обняла мужа за шею и пробормотала, уткнувшись носом в горячую ямку над ключицей, обнажившуюся в съехавшем набок вороте куртки:

– Я так люблю тебя… если бы ты знал, как сильно я люблю тебя! Мне так страшно подумать, что тебя могло у меня не быть…

– Меня не могло не быть. Даже не думай. Я буду у тебя всегда.

После этого случая папа больше не выказывал недоволь-

ства, а отношения с моим мужем у него мало-помалу восстановились и стали почти прежними. Почти – потому что теперь отец относился к нему как к члену семьи и соответственно больше доверял. На мои капризы, если таковые случались в его присутствии, папа неизменно говорил одну-единственную фразу – «Акела знает лучше», и я умолкала. Саша в самом деле все и всегда знал лучше. Мне, строптивой и неуправляемой, нравилось подчиняться – добровольно признавать, что он сильнее, умнее. Для меня муж сродни богу – как бы жутко это ни прозвучало. Даже на братьев я с самого детства смотрела сверху вниз, хотя была моложе. С Сашей же все было наоборот – я получала удовольствие, оставаясь неправой, не первой, не главной. И мне даже наплевать на то, что это мое благостное состояние замечают окружающие, привыкшие считать меня исчадием ада и невыносимой стервой. Рядом с мужем я чувствовала себя абсолютно счастливой.

– Бр-р-р, погодка! – громыхнуло над ухом, и я, взвизгнув, подпрыгнула и повисла на шее мужа, вошедшего в дом так тихо, что я даже не заметила.

– Как долго тебя не было!

– Долго? Да я уехал два дня назад, – расхохотался Саша, кружа меня по комнате. – Неужели соскучилась?

– Соскучилась, – радостно подтвердила я. Вдруг настроение испортилось, я помрачнела и уперлась в грудь мужа руками: – Пусти, хватит.

– Что такое?

– Отпусти.

Он поставил меня на пол и двумя пальцами крепко ухватил за подбородок, не давая отвернуться.

– Аля, я тебя не первый день знаю. Это из-за отца?

Если бы я могла ответить на этот вопрос однозначно! Но на душе скреблись кошки, нужные слова не находились. Дело не только в ранении отца, не только в разговоре о «заказе», косвенно подтверждавшем версию Бесо. Меня мучило что-то внутри, глубоко под сердцем. Бывают такие ситуации, когда ты предчувствуешь что-то нехорошее, но что именно – понять не можешь.

Я отошла к окну гостиной, машинально закурила, отодвинула полупрозрачную занавеску и уставилась невидящим взглядом в темный двор. Муж подошел сзади, притиснул меня к подоконнику. Я откинула голову назад и уперлась затылком как раз ему в солнечное сплетение.

– Аленька… успокойся, моя малышка. С отцом все будет хорошо.

«Если бы я могла тебе сказать… дело не в отце, а в том, что теперь я боюсь за тебя – ты слишком много знаешь о папиных делах, ты в курсе всех его проектов. Если это «заказ», то и ты на мушке, а я не переживу».

Меня охватил безотчетный, необъяснимый ужас – мой муж слишком приметная фигура, слишком удобная мишень, его не спутаешь ни с кем – он такой один. Эта его коса на

бритой голове, его обожженное лицо, повязка на месте отсутствующего левого глаза… Как мне уберечь его? И ведь, оказывается, папа в свое время был прав, когда говорил, как опасно связывать свою жизнь с человеком типа Акелы или его самого. Прав. Опасность даже не в том, что я могу оказаться в той же машине, что взлечу на воздух вместе с мужем, а как раз в том, что могу НЕ оказаться. И тогда – как жить? Для чего, для кого? У нас нет детей – нет и уже никогда не будет, только мы – он и я, только он и я друг у друга. Господи, как страшно…

Мой длинный внутренний монолог прервал пронзительный рев дверного звонка – было ощущение пожарной тревоги. На ночь мы освобождаем охранников у ворот, и ребята спускают собак – четырех огромных кавказцев. Те еще ни разу не проворонили постороннего. Если же кто-то экстренно явился ночью, то вот так звонят.

– Ты кого-то ждешь? – спросил муж, выразительно посмотрев на часы – уже четыре часа, я и не заметила.

– Я? Нет.

– Иди наверх, – велел Саша, доставая пистолет из кобуры под мышкой.

Я, разумеется, никуда не пошла, шмыгнула в темную кухню и припала к окну, стараясь не выдать своего присутствия. Ворота поехали в сторону – значит, кто-то свой, и Саша впустил машину, нажав кнопку вмонтированного в стенку прихожей пульта. Так и есть – это машина Бесо. Бесо!!! Как я

могла забыть, что он просил отзвониться… Вот я беспамятная…

– Александра где? – раздалось в коридоре.

– Не кричи, спит, – почему-то сказал муж, и я напряглась – что за фокусы? Уже несколько лет Бесо называл меня папиной преемницей, хотя, разумеется, в шутку. Однако никаких тайн от меня давно не имелось, а тут вдруг Саша с таким заявлением. Ладно, посижу, послушаю. Лишь бы не ушли в кабинет, тогда ничего не узнаю. А здесь, в кухне, есть небольшое отверстие в стене, закрытое картинкой-безделушкой, и если к ней приложить ухо, прекрасно слышно все, что говорится в смежной с кухней гостиной. Я так и сделала, припала к стене и замерла, превратившись в слух.

– Про дела не спрашиваю – не до того, – раздался голос Бесо, трудновато различимый из-за стены. – Сразу к косякам нашим. С новостью я к тебе, Акела.

– Говори.

– Похоже, нашелся человек, который Клеща завалить пытался.

Я зажала рот рукой, чтобы не вскрикнуть – ничего себе, как быстро отработали люди Бесо! Суток не прошло, а уже нашли. Однако, судя по тону мужа, ему эта новость хорошей не показалась. Или, по крайней мере, достоверной. Акела почти никому не доверял, старался убеждаться в каждой мелочи лично.

– Взяли?

– Только отследили. Я там оставил пару мальчишек, пасут, чтоб не сбежал.

– Поехали! Пока горячо, надо колоть. Сейчас позвоню только, чтобы кто-нибудь за Александрой приглядел, – решительно произнес мой муж, и тут я не выдержала.

Выскочив из кухни, я рванула в гардеробную, быстро влезла в кожаный комбинезон, высокие полувоенные берцы на шнуровке, прихватила с полки перчатки и белый шарф. В таком виде выбежала в коридор, и вовремя – муж и Бесо уже стояли у открытой двери.

– Куда это на ночь глядя? – спокойно спросил Саша, застегивая куртку.

– Прогуляться! – ответила я с вызовом. – Ты ж меня не пригласил, вот я отдельно и прогуляюсь.

– Останешься дома, – все так же спокойно резюмировал супруг, чем привел меня в состояние неконтролируемого бешенства:

– Если помнишь, это мой отец лежит сейчас в реанимации! Мой, а не твой! И я имею право!

– Та-ак! Еще и ухо о стенку грела! – с легким возмущением проговорил муж.

– Прекрати, я сказала, что поеду – и поеду, даже если ты меня в машину не пустишь.

Я поняла свою оплошность моментально – ключи от байка валялись на столе и, разумеется, после моих слов мгновенно перекочевали в карман куртки мужа.

Бесо не вмешивался. Принцип не лезть в чужую семью с советами он соблюдал свято, и даже давняя отеческая любовь ко мне не заставила его нарушить правило.

– Отдай! – рявкнула я, но муж предостерегающе произнес:

– Александра!

– Что? – с неприкрытой уже злостью переспросила я, застегивая кожаную автомобильную перчатку. – Ты же знаешь – я всегда прислушиваюсь к тебе, но не сегодня, понимаешь? Не сейчас! Я хочу своими глазами увидеть человека, поднявшего руку на моего отца, и даже ты не в силах помешать мне, Акела!

Я крайне редко позволяла себе произнести вслух кличку мужа, но, когда злилась, не могла контролировать себя. Муж молча поднял руки, признавая поражение, а Бесо счел возможным наконец высказаться:

– Сашенька, ночь на улице-то…

– Да ну?! А я-то не вижу! Вот спасибо, что сказал! – Я развернулась в его сторону, и Бесо выставил перед животом руки вперед ладонями:

– Все-все, сдаюсь! – Однажды в детстве я в ответ на какое-то его обидное замечание неожиданно разбежалась и ударила Бесо головой в живот, и с тех пор во время каждой словесной перепалки он вот так выставлял руки, словно я могла повторить свою выходку еще раз.

В общем, сдались оба, и через несколько минут я уже сидела в машине мужа, он сам сосредоточенно всматривался в

темную трассу, уходящую под колеса джипа, а Бесо с охранником и водителем ехали сзади. Мы неслись в сторону города. На въезде располагался пост ГАИ, и я выразительно посмотрела в зеркало, стараясь поймать взгляд Саши, но он и без меня отлично знал, что делать. Скорость упала до предельно разрешенной, и мы миновали пост с двумя приплясывавшими на улице гайцами вполне благополучно. Саша вынул мобильный и набрал номер Бесо:

– Обгоняй, я адреса не знаю.

Машина Бесо почти сразу пошла на обгон, Саша пристроился в хвост.

– Ты зря поехала, Аля, – все-таки решился высказать мне накипевшее муж, пока мы были одни. – Я не хочу, чтобы ты вообще как-то прикасалась к нашим делам. Это неправильно. Ты – женщина и должна быть в стороне.

Ох, зря он это сказал…

– В стороне?! А ты уже забыл, как твой прежний… хм… работодатель лишил нас ребенка? И возможности иметь когда-либо вообще детей?!

Это был удар ниже пояса – муж до сих пор считал себя виноватым. Но – видит бог – сейчас я защищалась как умела.

В машине повисла тишина, только шум двигателя нарушал ее. Я отвернулась к окну, прижалась к холодному стеклу лбом и кусала губу, чтобы не плакать. Воспоминания до сих пор жгли меня, хотя прошло уже несколько лет.

– Аля, перестань. Мы договорились не вспоминать.

Я не могла даже рта открыть, от подступивших слез щипало в носу и сводило скулы. Но плакать при Саше я не хотела. Еще тогда, в больнице, лежа на кровати с перевязанными запястьями, зафиксированная широкими брезентовыми ремнями, я поклялась себе, что никогда больше не буду слабой. Никогда больше не опущусь до такого малодушия, как попытка суицида. Я – дочь своего отца, я жена такого человека, как Акела. Я не могу позволить себе слабость, как обычная женщина. Не могу – и не позволю.

Машины остановились у неприметного пятиэтажного дома, Саша вышел и открыл мне дверку. Больше он не говорил ничего, не просил остаться, не жалел вслух, что не заставил меня сидеть дома. Он был собран и холоден, настроен на *работу* – я очень любила его таким.

Мы поднялись на третий этаж и на подоконнике лестничной площадки обнаружили двух молодых парней. Один читал какой-то журнал, другой слушал музыку, вставив в уши наушники плеера. При виде нас оба вскочили, но Бесо только отмахнулся:

– Да сидите вы. Ну что – не выходил?

– Да ну – куда? – перекатывая во рту жвачку, протянул тот, что был одет в спортивный костюм и короткую кожанку на подстежке. – Старуха какая-то выходила, я ее до ларька проводил, она там молоко и минералку брала. Бодун Иваныч у клиента утром будет, готовится бабанька.

Я бросила взгляд на часы – они показывали начало шесто-

го. Рановато бабулька встает.

– Пошли, – Бесо поднялся по лестнице, велев своему охраннику идти следом, а мы с Сашей поднялись последними.

Бесо нажал кнопку звонка, и через минуту дверь открыла маленькая старушка. Меня поразил ее вид – чистая, опрятная, вся светившаяся аккуратностью бабушка имела под глазом фингал, которому мог позавидовать любой бомжара.

– Вы к кому?

– К Толяну мы, мамаша, к Толяну, – проговорил Бесо, тоже, кажется, удивленный.

– А кто вы ему? – продолжала допрос старушка, окидывая взглядом нашу – надо признать, довольно странную – компанию.

– Мы с работы.

– Тоже из охраны?

– Да, мамаша, из охраны.

«Охранник» Бесо в дорогом пальто и лаковых туфлях ну никак не укладывался у старушки в один ряд с ее явно пьющим сынком. Но она посторонилась, впуская нас.

– Спит он еще, пришел не так давно, пьянючий… Вы б повлияли как-то.

– Сейчас повлияем, мамаша. Потому и пришли. Вы бы пока в кухоньке посидели, а? Разговор мужской у нас.

Я поняла, что имел в виду Бесо, а потому взяла старушку под локоть и повела в кухню. Там она гостеприимно предло-

жила мне чаю, и я почувствовала неловкость – сейчас в соседней комнате мой муж, скорее всего, вытянет из ее сына все жилы, а она мне тут чай предлагает…

– Откуда синяк у вас? – чтобы отвлечься, спросила я, и старушка, вытирая слезящиеся глаза, пробормотала:

– Так Толик это… сын…

– Он вас бьет, что ли? – не поверила я – очень уж не вязалась у меня эта аккуратная старушечка с побоями.

– Бьет, доченька, ой, бьет… – запричитала она. – Как напьется – так и бьет.

– Так в милицию сдайте.

Она глянула на меня так, словно я уже сдала драгоценного Толика в ментуру:

– Да бог с тобой, как можно?! Сын ведь!

Вот так – ей он сын, а она ему вроде как не мать – раз лупит ее, как боксерскую грушу. Сволочь… Интересно, что за фрукт?

Я вышла в соседнюю комнату и там застала дивную картину. Кровать перевернута, из-за нее, прижимаясь к стене, таращит глаза лохматый похмельный мужик с красными вытаращенными глазами, посреди комнаты на стуле сидит Бесо, мой муж отодвинул штору и вроде бы рассеянно смотрит в окно, как будто совсем отсутствует, а охранник Бесо Влад ногой прижимает руку мужика к полу.

– Подробнее! – резко бросил Саша, услышав, что вошла я.

– Ка…ка…каво – подробнее? – забормотал мужик.

– Подробнее – как подкарауливал, как мину закладывал, как на кнопку жал. Рассказывай, это дочь Клеща.

При упоминании имени моего отца мужик совсем сдурел от страха и завизжал по-поросячьи:

– Да пошутил я! По телику услышал, что завалили его, ну, решил хвастануть… выпили с мужиками, я им и ляпнул – мол, это я Клеща… того… а так-то… куда мне, я ж больной… эпилепсия у меня…

Я повела носом и сморщилась:

– Чем понесло?

– Чем-чем, – хмыкнул Влад, брезгливо морщась. – Вон лужа-то уже из-под кровати вытекает.

Бесо и Саша глянули в указанном направлении и закатились хохотом.

– Поехали, все тут ясно. Какая ему мина – он только кучу дерьма заложить может, – отсмеявшись, проговорил Бесо, вытирая глаза, на которых выступили слезы.

– Погодите, – я отстранила охранника и, пнув ногой кровать, освободила себе место, чтобы подойти к псевдокиллеру ближе. – Слушай сюда, быдло. Если еще только раз тронешь мать хоть пальцем – приедем и отстрелим причинное место. Понял? – Толик мелко закивал. – Ну, а это на память, – я размахнулась и врезала ему берцем прямо в глаз. – Будешь в зеркало смотреть – вспоминай, что я сказала. Мать уважать нужно.

Под аккомпанемент Толиковых завываний мы вышли из

квартиры, и я вынула сигарету:

– Вот мерзота!

– Не расстраивайся, может, и к лучшему, что не он это, – проговорил Бесо. – Ну, в падлу было бы моему корешу Фиме от руки такого урода погибать.

– Думай, что несешь-то, – укоризненно произнес Саша, обнимая меня за плечи. – Ладно, давайте домой поедем, спать хочется, да и суббота сегодня. Я всю ночь за рулем, боюсь уснуть.

– Я поведу, – предложила я, но муж отказался:

– Не справишься. Ничего, потихоньку доеду. Когда ты в машине, я вдвойне осторожен.

Дома было тепло и сонно, мы сразу поднялись в спальню и упали на постель, сбросив одежду прямо на пол. Саша вытянулся и пробормотал:

– Старик устал, как беговая лошадь…

– Давай я помну тебе спину, – с готовностью откликнулась я и, не дожидаясь ответа, удобно расположилась верхом на муже, принимаясь за массаж.

Саша постанывал от наслаждения, а я, конечно, мечтала кое о чем другом, но понимала – заикнись я сейчас, он не откажет, но вижу ведь, что устал. Ничего, у нас вся суббота впереди, все воскресенье. Съездим с утра в больницу, и остаток дня – наш.

Девяностые

Мне одиннадцать лет.

Зайдя в кабинет отца за бумагой для рисования, я вижу приоткрытый ящик стола. Любопытство берет верх над здравым смыслом и страхом – нам, детям, категорически запрещено трогать вещи в папином кабинете. Открываю и вижу на дне небольшой черный пистолет. Вынимаю осторожно, дрожа от восторга и ужаса, глажу, нюхаю. Интересно, а вот это зачем? Случайно засылаю патрон в патронник. Смотрю на себя в зеркало – ух ты, я настоящая шпионка… Строю многозначительные мины, призванные обозначить мое шпионское нутро. Целюсь в стоящую на шкафу вазу. Внезапно на пороге возникает отец. Мой палец на курке вздрагивает, раздается выстрел. Меня, худую и маленькую, отдачей отбрасывает назад. Я не удерживаюсь, падаю на пол, ударяюсь затылком о подлокотник кресла. Морщась от боли, встаю, инстинктивно прячу пистолет за спину. Зачем – все ведь и так очевидно… Отец с бледным лицом и посеревшими губами приближается ко мне, обнимает и отбирает пистолет. На полу за его спиной – осколки старинной китайской вазы, подаренной друзьями-приятелями.

– Александра… никогда… Слышишь? Никогда больше! Не смей! Входить! Сюда! Без спроса! – отчеканивает он.

Оттолкнув меня, отец достает из кармана пиджака пузырек с таблетками и сует одну под язык – в последнее время у него плохо с сердцем, я слышала, как это сказал врач домработнице Гале.

Мне стыдно и больно. Я огорчила папу…

Любовь к оружию отец привил мне сам. Однажды позвал покататься, и я с готовностью согласилась – любила такие прогулки вдвоем. Охрана не считалась – они никогда не мозолили нам глаза, а потому можно было считать эти вояжи свободными. Мы бродили то по старой части города, то где-нибудь в лесу, и папа, заложив руки за спину, что-нибудь рассказывал. Но в тот день мы поехали на заброшенный песчаный карьер, долго скользили вниз, на самое дно котлована, держась за руки и посмеиваясь над собственной неуклюжестью. Я повернулась назад и ахнула:

– Пап, да как же мы обратно-то?! Там же метров сто вверх!

– Ну, не сто, конечно, но высоковато, – согласился отец. – Не бойся, Кнопка, выберемся. Смотри, что у меня есть.

Из кармана куртки неожиданно появился небольшой пистолет.

– Настоящий?! – снова ахнула я – ей-богу, сегодня день сюрпризов.

– А ты думала, я игрушечный тебе дам?

У меня начали дрожать руки от возбуждения – надо же, настоящий пистолет, из которого стреляют! И папа вот так

запросто дает его мне подержать… Интересно, а выстрелить позволит? Я подняла глаза и умоляюще заглянула в лицо отца. Тот с одобрением хмыкнул и кивнул:

– Сейчас попробуем.

Он кивнул водителю Глебу, и тот вынул из висевшей на его плече сумки штук пять пустых бутылок, аккуратно расставил на валявшемся бревне и отошел в сторону.

– Ну-ка, вставай вот так… – Отец легким движением носка ботинка заставил меня поставить ноги на ширину плеч, обе руки мои сложил на рукояти пистолета, а указательный палец правой положил на курок. – Держишь? – Я кивнула, чувствуя на затылке дыхание отца. – Теперь целься. Смотри, будет отдача, можешь упасть. Я подстрахую, но будь готова.

Я от волнения облизывала губы, но взяла себя в руки и прицелилась в крайнюю правую бутылку.

– Готова? – спросил папа, и я снова кивнула – говорить от избытка эмоций не могла. – Хорошо. Спускай курок.

Я что было сил утопила курок, что-то оглушительно бабахнуло, и меня, как бревном, откинуло назад, на папу. Он рассмеялся, забрал пистолет:

– Ну ничего, для первого раза главное не испугаться. – И, отстранив меня, сам методично расстрелял бутылки. – Ничего-ничего, Кнопка, научишься.

– Дай еще! – потребовала я, уязвленная неудачей.

Отец внимательно посмотрел на меня, но пистолет протянул и встал сзади.

– Отойди, я сама! – потребовала я, удивив его.

Папа хмыкнул, но отошел и велел Глебу поставить еще несколько бутылок.

Я сделала два выстрела, всякий раз с трудом удерживаясь на ногах при отдаче. Не попала ни разу, патроны закончились. Я закусила губу от досады и стыда – не смогла! Папа увидел, что я завелась не на шутку, забрал пистолет и вставил новую обойму:

– Упертая ты, Кнопка. Даже не знаю, хорошо это или плохо.

В конечном итоге мне удалось разбить одну бутылку, и это было встречено бурными аплодисментами водителя, охранника и отца. Я чувствовала такую дрожь в теле, что, казалось, даже идти не смогу. Но показать слабость отцу – ни за что! Я карабкалась вслед за ним вверх по песчаному обрыву и отказывалась от предложенной руки. Я сама! Сама!

Уже сидя в машине, я услышала, как Глеб говорит папе:

– Жалко, что девчонка, Ефим Иосифович. Далеко пошла бы, будь мужиком.

– Она и девкой далеко пойдет, – отозвался отец, думая о чем-то, и его лицо вдруг стало печальным. – Вот ведь как обернулось – родные сыновья… – Но, переведя взгляд на дверку машины, он увидел в окне мое заинтересованное лицо и осекся: – Лады, поехали домой, дела ждут.

С тех пор повелось – каждый выходной мы ездили на ка-

рьер, и я училась стрелять. Выходило все лучше и лучше, а вскоре я уже довольно легко выбивала пять из пяти. Папа гордился несказанно, даже захотел отдать меня в секцию пулевой стрельбы, но там предложили подождать несколько лет. Тогда папа, разозленный отказом, попросил устроить мне просмотр, и слегка испуганный папиным грозным видом тренер согласился. Я страшно волновалась, а потому стреляла хуже, но все равно выбила восемьдесят из ста. Тренер был шокирован:

– Я впервые вижу, чтобы ребенок, да еще девочка, в таком возрасте… Глазам не верю…

В общем, меня взяли – и я за четыре года успела выполнить нормативы на второй взрослый разряд и выиграть множество различных соревнований. Папа выделил в стенном шкафу целую полку под мои кубки, медали и грамоты, страшно гордился успехами и по возможности старался приезжать на стенд во время соревнований. Я была ему очень благодарна за науку, которая очень пригодилась мне впоследствии…

Второй моей странной страстью стал байк. Так сложилось, что мне по какой-то причине абсолютно не были интересны девичьи забавы вроде кукол, платьев и украшений-макияжа. Видимо, отсутствие постоянного женского внимания – тетя Сара не в счет – сказалось. Не то чтобы я выросла мужиковатой или без вкуса, нет. Просто мне искренне неинтересно часами крутиться у зеркала, завивая волосы – да и к чему,

когда мои собственные кудрявы от природы? Я собирала их в хвост на макушке, тщательно приглаживала и закручивала в шишку, чтобы казаться немного выше. Рост был единственной моей проблемой…

Зато я умела то, что моим сверстницам и не снилось. Обнаружив в гараже старенький мотоцикл «Урал», я загорелась желанием водить его – и освоила благодаря папиному водителю. Он же научил меня метать нож в доску. Когда папа узнал, откуда у меня синяки на коленях и содранные в кровь локти, он сперва разозлился, но потом махнул рукой и отправил меня в автошколу. Я получила права на вождение мотоцикла, а на семнадцать лет – отличнейший «Харлей Дэвидсон». Взамен папа потребовал определенных уступок, и мне пришлось согласиться. Я довольно быстро примкнула к большой группировке байкеров, где совсем скоро стала «своей». Мы носились по городу и загородной трассе, устраивали гонки с милицией – словом, развлекались как могли. Меня всегда провожали домой с эскортом – я единственная жила в загородном поселке, и байкеры чувствовали ответственность за меня, даже неотступно следовавшая за нами машина моей охраны не могла их заставить отказаться от «проводин».

А потом со мной случилось нечто. Я влюбилась. Это естественно для молодой девушки, лишенной проблем и забот – чем же еще забить голову, как не любовью? Одноклассники меня не интересовали, ребята из моей байкерской тусовки относились как к сестре, да и кто бы попробовал сказать

дочери Фимы Клеща традиционную байкерскую фразу «села – дала»? Это уличных лохушек можно было разводить на быстрый секс, а со мной, единственной в команде девушкой, обращались как с любимым байком – то есть холили, лелеяли и сдували пылинки. Кроме того, папины охранники сразу и весьма доходчиво объяснили ребятам: если вдруг со мной что-то случится, они не будут разбираться, виноват ли мокрый асфальт. Лица у Башки и Гамаюна были такие, что никто из байкеров не рискнул проверять, насколько слова соответствуют действительности. Я, конечно, устроила дома скандал с битьем посуды, но папа и бровью не повел.

– Хочешь кататься с ними – ради бога. Но я должен знать, кто тебя окружает. А будешь выступать – заберу ключи от мотоцикла.

Вот так – коротко и ясно. И ведь забрал бы… Пришлось подчиниться.

…Я впервые увидела его рядом с отцом, когда мне было семнадцать. Я заканчивала школу, усиленно готовилась к экзаменам и к поступлению в институт. Отец никак не комментировал выбор профессии, только молча положил однажды на стол, за которым я делала уроки, пачку денег и сказал:

– Вот… репетиторы нужны, или как их там называют? Учись.

Я кивнула. Репетиторы были нужны…

Собственно, как раз в тот день, когда я впервые собралась на другой конец города к биологу, в нашем загородном доме,

куда мы переехали всего год назад, появился ОН. Я по привычке забежала в кабинет отца, чтобы сказать, мол, уезжаю. Папа был не один. За большим столом спиной ко мне сидел широкоплечий мужчина в кожаной куртке, таких же брюках и высоких ботинках на шнуровке. Голова выбрита наголо, на самой макушке оставлен пучок волос, сплетенных в тонкую косу, достававшую до лопаток. Кроме того, голову наискосок слева направо опоясывала черная кожаная лента. Вид слегка экзотический, но я не особенно удивилась – вокруг моего папы часто толклись люди весьма странной наружности, и появление очередного не поразило.

– Что тебе? – спросил отец, оторвавшись от каких-то бумаг, которые просматривал, сдвинув на кончик носа очки в золотой оправе.

– Я поехала в Локтево, к репетитору.

– Хорошо. Потом сразу домой.

– Локтево – не самый лучший район для одиноких воякжей, – хрипловато отреагировал папин гость и повернулся ко мне.

Я почувствовала себя мухой, попавшей всеми лапками в патоку: хочется уйти, а ни сил, ни возможности – увязла. На меня смотрел единственный глаз – но такой ясный и проницательный, что отсутствие второго не было заметно. Левого у мужчины не было, а вся щека напоминала смятый лист красной бумаги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.